

АЛЕНА ОРИОН

ДРАКОН

НЕ УКАЗ

или

Хочу домой,
но этот начальник стражи...

ЧАСТЬ 1

18+

Алена Орион

Дракон не указ, или Хочу домой, но этот начальник стражи...

<https://litres.ru/74371039>

SelfPub; 2026

Аннотация

Утро понедельника началось хреново: молодой любовник назвал меня чужим именем, кошка смотрела с презрением, а бывший мужчина (он же мой начальник) влепил выговор при всех. Я заперлась в туалете бизнес-центра, посмотрела в зеркало и спросила: «Катя, и ради чего всё это?»

Зеркало ответило порталом в другой мир.

Теперь я — попаданка в Академии невест местного Владыки-дракона. Конкурентки — юные красотки с идеальной кожей и магией соблазнения. У меня — тридцать семь лет жизненного опыта, навыки HR-директора и полное отсутствие магии.

Чтобы выжить и вернуться домой к кошке, нужно всего лишь провалить отбор. Но тут появляется ОН — начальник стражи. Холодный, опасный, с грустными глазами и шрамом на скуле. И почему при виде него хочется не драпать, а... обнять? Или не только?

Кажется, мой план трещит по швам.

Содержание

Глава 1: «Кис-кис» не по ГОСТу	5
Глава 2: Форсаж на каблуках	12
Глава 3: Удаленка в другом измерении	19
Глава 4: Парсинг по-драконьи	27
Глава 5: План «Неликвид»	36
Глава 6: Логистический сбой в межмирье	49
Глава 7: Иммунитет на харизму	59
Глава 8: Харизма из матовой стали	68
Глава 9: Розовый бордель и аудит некрологов	76
Глава 10: Десерт для Владыки	89
Глава 11: Изумрудный скафандр	97
Глава 12: Платный просмотр для акционеров	103
Глава 13: Демонстрация активов	108
Гла	122
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Алена Орион

Дракон не указ, или Хочу домой, но этот начальник стражи...

Глава 1: «Кис-кис» не по ГОСТу

Утро понедельника — это всегда физическая боль. Даже если ты пыталась подготовиться к нему заранее, оно настигает тебя, как судебный пристав: внезапно, громко и с претензией на всё твоё имущество, включая остатки здравого смысла. В моём случае «имущество» в постели ещё и сопело, занимая добрую половину матраса, а в голове пульсировал риторический вопрос: *«Катя, ну зачем?»*

Давайте знакомиться. Я — Катя. Катерина Сергеевна, если вы мой подчинённый или налоговый инспектор. Мне тридцать семь, и это тот прекрасный возраст, когда на тебя всё ещё засматриваются двадцатилетние, но ты уже достаточно умна, чтобы понимать — это не комплимент твоей красоте, а их надежда на бесплатный ужин и отсутствие родительского контроля. Я работаю HR-директором в крупной IT-компании. Звучит пафосно? По факту я просто ре-

шаю чужие проблемы. Целый день делаю вид, что моя работа — это стратегический HR, а на деле уговариваю взрослых дядек с бородами не драться из-за печенок и не орать в чате заглавными буквами в три часа ночи.

Иногда, когда уровень стресса зашкаливает, я лечусь молодыми любовниками. Лекарство сомнительное, побочные эффекты — в ассортименте, но в аптеках такое не продают.

Вот об одной такой «терапии» и пойдет речь.

Я проснулась от того, что чья-то рука бесцеремонно шарилла по моей талии, и я кожей чувствовала жар, исходящий от этого тела. Ладонь была большая, чуть шершавая, и её прикосновение к моему голому боку вызывало бы приятные мурашки, если бы не осознание, что сейчас пол восьмого утра рабочего дня.

Секунду я лежала с закрытыми глазами, восстанавливая хронологию воскресного вечера: вино, затяжной сплин, приложение знакомств, свайп вправо (ну, симпатичный же!), бар, ещё вино, такси... и вот результат.

— Кис-кис-кис, — пробормотал голос над моим ухом.

Пазл сложился, но картинка была в жанре эротического сюрреализма. Я приоткрыла глаза. Сосед по подушке активно втирал свою щетину в мой египетский хлопок. На вид — лет двадцать пять. Ресницы — на зависть любой модели, губы припухшие от сна и вчерашних поцелуев, которые — надо признать — были чертовски хороши. Он двигался плавно, по-мужски собственнически притягивая меня ближе, так

что я ощутила твердость его тела сквозь тонкую ткань одеяла. Мог бы быть моим стажером, если бы я нанимала людей по рельефу пресса.

— Кис-кис, — повторил он и влажно чмокнул меня в ложбинку между ключицами, пуская по телу волну не вовремя проснувшегося желания. — Марин, ты спишь?

Мир замер. Знаете этот момент в хоррорах, когда музыка стихает и героиня понимает, что убийца уже в доме? У меня было круче. «Убийца» был в моей постели и звал какую-то Марину.

Я резко села, рывком натягивая одеяло до самого подбородка и лишая юношу доступа к моим прелестям. Вадим приподнялся, сияя такой расслабленной, сытой улыбкой, что мне на миг стало его жалко. Но я — HR. У нас профдеформация: мы не терпим ошибок в заполнении анкет.

— Марина? — переспросила я тем самым тоном, которым обычно сообщаю сотрудникам об отмене годовой премии.

Он моргнул раз, другой. Улыбка сползла с его лица быстрее, чем падает курс биткоина.

— Что? — переспросил он, стремительно трезвея.

— Ты сейчас назвал меня Мариной. Дважды. И это твоё «кис-кис»... Ты серьезно? Ты считаешь, что подзывать женщину в её же постели как бродячее животное — это удачный маркетинговый ход? — Я смотрела на него сверху вниз, и вся вчерашняя магия его атлетичного тела испарилась, оставив лишь досаду.

— Я? Не, показалось. Кать, ты чего? — он попытался обнять меня за плечи, включая режим «обаятельного дурачка». Его пальцы скользнули по моей коже, пытаясь нащупать вчерашний отклик, но я была холодна, как серверная комната.

Я аккуратно, как грязный носок, двумя пальцами, пере-

хватила его запястье и вернула владельцу.

— Вадим. Ты перепутал имя. Это не «показалось», это критический баг в системе.

— Слушай, ну давай не драматизировать, — он вдруг решил, что лучшая защита — это наглость. — Мы взрослые люди, переспали, всё было огненно. Какая разница, как кого зовут, если нам обоим было так хорошо, что соседи, небось, завидовали?

— Обоим? — я приподняла бровь. — Ты уверен? Потому что мне сейчас совсем не «хорошо». Мне интересно, кто такая Марина? Твоя бывшая? Текущая? Или ты просто перепутал вкладки в своём Tinder-мозгу?

— Ой, всё, началось, — он закатил глаза и начал выбираться из кровати, демонстрируя отличную мускулатуру спины, которая вчера казалась мне верхом совершенства, а сегодня — просто куском мяса. — Драмы на пустом месте. Бывает.

— Бывает, — согласилась я, накидывая шёлковый халат и затягивая пояс так, будто это была удавка. — Знаешь, что ещё бывает? Когда «молодой и перспективный» вылетает из квартиры быстрее, чем успевает застегнуть ширинку.

Вадим замер в нелепой позе. Сжимая в руках трусы, он отчаянно балансировал на одной ноге, из последних сил стараясь не грохнуться на мой пушистый ковер.

— Ты серьезно? Выгоняешь меня?

— Абсолютно. — Я подошла к двери и распахнула её с

таким видом, будто за ней начиналась бездна. — Твой выход, Вадим. Марина ждёт.

— Кать, ну блин, давай поговорим нормально...

— Мы поговорили. Ты провалил испытательный срок. — Я подняла с пола его футболку и прицельно запустила ему в лицо. — Лови. И носки не забудь, они под тумбочкой.

Я наблюдала за его сборами с чувством глубокого удовлетворения. Стыда у него не было ни на грош, зато неудобства — вагон. Он бурчал что-то про «странных баб», натягивая кроссовки, а я стояла в проеме, воплощая собой образ оскорбленной добродетели с выдержкой снайпера.

— Обычные девушки нормально реагируют! — бросил он напоследок.

— Обычные — возможно. А я — HR-директор. Ошибки в персональных данных не прощаются.

Захлопнув дверь, я щелкнула замком и сползла по косяку на пол. В коридоре ещё пару секунд топтались, лифт звякнул, и наступила благословенная тишина.

— Господи, — прошептала я в ладони. — За что мне это? Это был риторический вопрос. Я прекрасно знала — за что. За то, что после развода, случившегося восемь лет назад, я всё ещё надеюсь встретить в приложении для быстрых знакомств кого-то адекватного. Мой бывший муж тоже был красив и молод — на год младше меня. Пять лет брака ушли на то, чтобы я помогла ему «найти себя», потом «найти работу», а в итоге он нашел кого-то на десять лет младше. Я

тогда даже не плакала — просто устала быть мамочкой для взрослого мужика.

Тогда я дала себе слово: никаких «детей». Только состоявшиеся, взрослые личности! Но такие личности почему-то не спешили знакомиться со мной в приложениях. Они были заняты: кто семьей, кто карьерой, кто коллекционированием винила и рассуждениями о кризисе среднего возраста. А молодые — они такие ласковые, такие благодарные, так смотрят снизу вверх... Пока не перепутают имя.

Я поднялась с пола и побрела в душ. Горячие струи ударили по плечам, выбивая из головы остатки ночного дурмана. Пришлось зажмуриться до пульсирующих цветных пятен перед глазами, пока вода стекала по кафелю, унося с собой запах чужого парфюма и липкое послевкусие утреннего провала. Вместе с паром в голове начал материализоваться образ того, кто сделает этот понедельник по-настоящему незабываемым.

Глава 2: Форсаж на каблуках

Алексей Александрович. Мой босс. Мой бывший. Моя самая большая профессиональная ошибка, заботливо упакованная в костюм-тройку.

Ему пятьдесят два. Он из тех мужчин, что «красиво стареют», если под этим понимать медленное превращение в сушеное яблоко с очень дорогими часами. Алексей холост, стремительно лысеет, но бодрится: ходит в спортзал трижды в неделю (судя по его Инстаграму, он там в основном фотографируется у зеркала) и носит рубашки, которые обтягивают его самомнение плотнее, чем бицепсы.

Наш роман случился три года назад, когда я, окрыленная новой должностью, только пришла в компанию. Он тогда включил режим «мудрого наставника»: угощал редким сортом пуэра в своем кабинете, цитировал классиков менеджмента и смотрел на меня так, будто я была единственным адекватным человеком в этом царстве кода и багов. Ну и завертелось.

Длилось это недолго, месяца три. Я довольно быстро поняла, что роман с начальником — это как есть наваристый борщ прямо на рабочем месте, сидя над горой важных документов. Один неосторожный жест — и всё в несмываемых красных пятнах.

Я инициировала расставание. Максимально цивилизованно.

но, по-взрослому, как и положено HR-директору.

— Леш, — сказала я тогда, глядя ему в глаза, — мы оба профессионалы. Давай не будем превращать офис в «Дом-2». Останемся друзьями и коллегами?

Он кивнул, выдавил свою фирменную дипломатичную улыбку и сказал: «Конечно, Катя. Я всё понимаю».

Врал. Ни черта он не понимал.

С того дня его главной миссией в жизни стало превращение моего рабочего дня в квест на выживание. Алексей Александрович превратился в классического «обиженного самца», только с неограниченным административным ресурсом. Он придирается к каждой запятой в моих отчетах, ставит палки в колеса при согласовании бюджетов, а на совещаниях перебивает меня на полуслове, чтобы через пять минут выдать мою же идею за свое гениальное озарение.

И я терплю. Почему? Потому что я реалист. В IT-индустрии, где средний возраст сотрудника — двадцать пять, мои тридцать семь — это уже почти пенсионный возраст. Дискриминация здесь цветет пышным цветом, и она не в официальных документах, а в головах тех, кто проводит собеседования. «Она слишком опытная», «Она не впишется в наш молодой драйвовый коллектив» — я сама слышала эти фразы сотни раз. Найти другую работу с такой же зарплатой и статусом — тот еще квест, а у меня ипотека, Мурка и привычка к хорошему кофе.

Я выключила воду, чувствуя, как кожа на кончиках паль-

цев сморщилась. Решительно стерла пар с зеркала и посмотрела на себя.

— Соберись, Катерина, — прошептала я своему отражению. — Ты пережила пять реструктуризаций и трех генеральных директоров. С одним лысеющим нарциссом ты как-нибудь справишься.

Завернувшись в пушистое полотенце, я вышла на кухню. Пора было вливать в себя кофе — единственное легальное топливо, на котором может работать HR-директор в понедельник утром.

На кухне меня уже ждала Мурка — рыжая, толстая и бесконечно циничная кошка. Она сверлила меня взглядом прокурора.

— Привет, — я насыпала ей корм. — Записывай нового кандидата в черный список: Вадим, маркетолог, путает имена.

Мурка фыркнула и уткнулась в миску. Ей было плевать на Вадима. Её больше беспокоил вопрос закрытого окна и отсутствия свежих птичек на подоконнике.

Я сделала кофе такой крепости, что он мог бы поднять мертвеца, и уставилась в окно. Москва просыпалась. В этом городе миллионы людей, и наверняка половина из них сейчас чувствует себя такими же идиотками, как я. Где-то жила моя бабка, которая всю жизнь ждала мужа с войны, а он так и не вернулся. Генетическая память — штука суровая: женщины в нашем роду либо вечно ждут, либо падают за двоих.

Взгляд на часы вырвал меня из меланхолии.

— Твою ж... Половина девятого!

Остаток утра пронесся в режиме «Форсаж: Московский дрифт». На сборы ушло рекордно-неприличные десять минут. Короткий спринт до лифта, судорожная проверка: ключи, смартфон, сумка... Стоп. Сумка подозрительно легкая. Внутренний HR мгновенно выдал отчет об ошибке: ноутбук все еще томится в плену удлинителя, а время уходит в крутое пике.

Пришлось разворачиваться на 180 градусов и штурмовать квартиру заново. Мурка даже не шелохнулась, лишь проводила моё броуновское движение тяжелым взглядом истинного философа. В её желтых глазах без труда читалось: «Беги-беги, несчастная женщина. Работай на мой премиум-хололистик. А я останусь здесь — страдать в гордом одиночестве на твоём небрежно брошенном одеяле».

Моя «Мазда», верная, но уже порядком подуставшая от московской жизни, ждала меня во дворе с немим укором в пыльных фарах. Я запрыгнула на сиденье, молясь всем автомобильным богам сразу, и повернула ключ. Стартер выдал натужное «дрр-дрр-дрр» и безнадежно затих. Я попробовала снова. Двигатель отозвался чахоточным чихом, вздрогнул и окончательно погрузился в летаргический сон.

— Только не сегодня, — выдохнула я, в отчаянии стукнув ладонью по рулю. — Малышка, ну пожалуйста, подвези...

Машина ответила могильным молчанием. Выскочив из

салона, я со злостью хлопнула дверью и рванула в сторону метро. Каблуки выбивали по асфальту лихорадочную чечетку, тяжелая сумка нещадно била по бедру, а в висках молотом пульсировало одно-единственное слово: «Опаздываю. Опаздываю. Опаздываю».

Метро встретило меня привычным гостеприимством пе-

реполненной консервной банки: плотная толпа, густой замес из запахов перегара и ядреного парфюма, а в довершение — чей-то рюкзак, методично впечатывающий меня в двери вагона. Каким-то чудом я ввинтилась внутрь и замерла, зажатая между хмурым мужчиной в тяжелой куртке и девушкой, которая увлеченно красила ресницы, игнорируя качку состава.

Я закрыла глаза, стараясь дышать через раз. Состав качало, в животе требовательно урчало от голода (кофе в пустом желудке уже устроил революцию), а от жизни в целом начало отчетливо подташнивать.

Надо было вызвать такси. Надо было встать на полчаса раньше. Надо было, в конце концов, не тащить вчера этого Вадима в свою постель. Надо было... Стоп. Если я сейчас начну перечислять все свои «надо было», мой мозг просто выдаст «синий экран смерти».

Где-то над ухом механический голос объявил мою станцию. Я буквально вывалилась из вагона вместе с потоком людей, чувствуя себя пожеванным листком из шредера. Натянув на лицо привычную маску «железной леди», я зашагала к выходу — впереди была работа, и там меня точно не собирались жалеть.

Офисный центр «Плаза» возвышался над Сити, как стеклянное надгробие моему спокойному понедельнику. Я влетела в холл в 9:02, чувствуя, как влажный после душа пушок на затылке начинает некрасиво пушиться от влажности.

Лифт, как назло, останавливался на каждом втором этаже, выпуская и выпуская безупречно выглаженных клерков с лицами, не выражающими ничего, кроме готовности выполнять КРІ.

Когда я выскочила на двадцать четвертом, Лена из бухгалтерии, стоявшая у автомата с водой, проводила меня сочувственным шепотом:

— Беги, Кать. Он там уже копытом землю роет. Весь совет директоров в сборе.

Слова Лены подстегнули и без того зашкаливающий пульс. Я даже не зашла в свой кабинет — только бросила взгляд на закрытую дверь, за которой меня ждал уютный стол и остывший покой, и повернула в сторону переговоров. Тяжелая сумка на плече, в которой ноутбук казался неподъемным слитком свинца, мешала бежать, но я прибавила шагу, на ходу пытаюсь пригладить растрепавшийся пучок.

Перед дверью с табличкой «Лондон» я замерла на секунду, выдохнула, стараясь унять дрожь в коленях, и осторожно нажала на ручку.

Глава 3: Удаленка в другом измерении

В переговорной «Лондон» атмосфера была такой, что хоть топор вешай. Алексей Александрович стоял спиной к двери, изучая на огромном экране графики нашей «невероятной эффективности». Он даже не шелохнулся, когда я тихо приоткрыла дверь и попыталась бесшумно боком просочиться на свободный стул в самом углу. Лишь кончики его пальцев, заложенных за спину, едва заметно дрогнули.

— Катерина Сергеевна, — его голос, обычно бархатный и вкрадчивый, сейчас прозвучал как удар хлыста. — Как любезно с вашей стороны почтить нас своим присутствием. Мы как раз перешли к самому интересному.

Он медленно, почти театрально развернулся. Его лицо было непроницаемым, но в глазах плясали холодные искры — он явно наслаждался моментом. Опершись ладонями о край длинного стола из темного дуба, Алексей подался вперед, вглядываясь в меня.

— Обсуждали, каким магическим образом наш HR-департамент умудрился отправить ключевому клиенту вместо базы кандидатов список тех, кого мы отбраковали с пометкой «неадекватен».

Внутри всё сжалось в тугой ледяной комок. Я отчетливо

помнила, как в пятницу вечером, уже уходя, проверяла письмо Петрова.

— Этого не может быть, — я постаралась, чтобы голос звучал твердо, хотя сумка немилосердно тянула плечо вниз. — В черновике, который я видела, были верные данные.

Алексей выпрямился, засунул руки в карманы дорогих брюк и елейно улыбнулся. Эта улыбка, обнажившая ровные зубы, была страшнее любого крика — так улыбается сытый хищник перед тем, как окончательно перекусить хребет жертве.

— А сервер, Катенька, говорит об обратном. Петров утверждает, что отправил именно то, что вы утвердили в последний момент. И — сюрприз — в логах системы четко зафиксирована ваша электронная подпись под финальной версией. Устный выговор вам, Катерина Сергеевна. Пока что устный.

В зале повисла такая тишина, что было слышно, как нутжно гудит кондиционер. Коллеги, с которыми я буквально вчера еще переписывалась в чатах и пила кофе, теперь старательно изучали ворс на ковролине или свои ногти. Никто не поднял глаз. Меня публично, методично хлестали по щекам за подставу, которую этот «обиженный самец» явно подготовил вместе с Петровым.

Я стояла, вцепившись пальцами в ремень сумки так, что костяшки побелели. Обида жгла горло, а к лицу приливал жар. Хотелось швырнуть в него этот чертов ноутбук, выска-

зять всё, что я думаю о его методах руководства и личных комплексах, но вместо этого я просто медленно села.

Совещание продолжалось еще бесконечные полчаса. Я сидела как в тумане, механически кивая и что-то помечая в блокноте, хотя перед глазами всё плыло от ярости. Как только Алексей закрыл крышку своего макбука, давая понять, что экзекуция окончена, я первой вышла из кабинета.

Я не пошла в кабинет. Знала: если сейчас сяду в свое кресло, то либо запущу в стену тяжелым степлером, либо просто разрыдаюсь от бессилия. Ноги сами несли меня в туалет в конце коридора — единственное место в этом стерильном аквариуме, где можно было на пару минут запереться и сбросить маску «железной леди».

Внутри было пусто. Тяжелая дверь отсекала гул офиса, оставив меня наедине с плеском автоматического освежителя и запахом дорогого клининга. Я подошла к умывальникам и оперлась руками о холодный мрамор столешницы. Дыхание с трудом, но выравнивалось, хотя сердце всё еще колотилось в горле.

Я подняла голову и посмотрела на себя в огромное зеркало в золоченой раме. Из глубины на меня глядела женщина с лихорадочным румянцем на щеках и той самой складкой между бровями, которая за последние полчаса превратилась в настоящую траншею.

— Интересно, — прошептала я в пустоту, глядя в свои же усталые глаза, — есть ли на свете хоть одно место, где

меня ценили бы просто за то, что я есть? Без этой вечной войны, без подстав и дурацких KPI? Где не нужно каждый день доказывать, что ты имеешь право на воздух?

Зеркало молчало. Отражение послушно повторяло каждое мое движение, каждый судорожный вдох. Ничего не изменилось. Обычное стекло в дурацкой раме. Я горько ухмыльнулась своему отражению:

— Да уж, Катя. Классно. Поздравляю. Докатилась. Сама с собой разговариваешь в офисном туалете. Дальше только психиатр.

Я устало опустила взгляд на хромированный кран, собираясь плеснуть в лицо ледяной водой. Рука уже потянулась к сенсору, как вдруг...

Краем глаза я заметила, что в зеркале что-то не так.

Я замерла. Сердце пропустило удар, а потом пустилось вскачь. Моя рука висела в воздухе над краном, но в отражении... в отражении я всё еще стояла, опершись о мраморную столешницу. И смотрела прямо на меня.

Я медленно, очень медленно подняла голову.

Отражение не шевелилось. Оно стояло в той же позе, с тем же усталым выражением лица. А потом... потом его губы медленно, почти неестественно, растянулись в широкой, хищной улыбке, которая не имела ничего общего с моей ухмылкой секунду назад.

Холод, от которого перехватило дыхание, мгновенно сковал тело. Я попыталась отшатнуться, сделать шаг назад,

прочь от этого кошмара, но ноги не послушались. Я споткнулась обо что-то невидимое, теряя равновесие, и мир вокруг меня рухнул.

Сзади больше не было двери и кафельной стены. Там разверзлась бездонная, звенящая пустота, в которую я начала заваливаться. В тот же миг зеркало перед моими глазами взорвалось.

Но осколки не посыпались на пол. Вместо этого они превратились в ослепительный, режущий глаза вихрь. Тысячи крошечных, сияющих лезвий закружились вокруг меня, втягивая в ту самую пустоту за моей спиной. Пол под ногами задрожал и просто перестал существовать, превратившись в зыбучий песок из света и тьмы.

Я закричала, но звук утонул в реве, похожем на шум реактивного двигателя. Меня не просто тянуло — меня высасывало из реальности, скручивало, выворачивало наизнанку. Я летела вниз, сквозь бесконечный, пульсирующий туннель из звезд и осколков моего собственного отражения. Единственная мысль, которая успела вспыхнуть в гаснущем сознании,

была до идиотизма бытовой: *«Хоть бы там не было Алексея. Пожалуйста, пусть это будет даже настоящий ад, но только без его правок и елейной улыбки».*

Тишина. Такая глубокая, что я слышала стук собственного сердца.

Темнота начала медленно рассеиваться, сменяясь мягким багровым мерцанием. В нос ударил густой, одурманивающий коктейль запахов: аромат сухих диких трав, раскаленного на солнце камня и чего-то животного, мощного, мускусного.

Я попыталась пошевелиться и поняла, что лежу на чем-то очень мягком, горячем и... дышащем.

— Мя-я-я-я-я-я-я. Ну и приземление! Тяжелая-то какая... И пахнет странно. Кофе и офисным стрессом, что ли? Слезай, дамочка, я тебе не диван в зоне отдыха!

Голос был скрипучим, ворчливым и пугающе близким. Я медленно открыла глаза, боясь увидеть обломки офисного унитаза, но реальность оказалась куда абсурднее.

Прямо передо мной, в паре сантиметров от носа, маячила огромная рыжая морда. Огромная — это размером с хорошую тыкву. Ярко-зеленые глазищи смотрели на меня с явным раздражением, а на макушке, опасно съехав на левое ухо, криво сидела маленькая золотая корона. Под моими ладонями была не холодная плитка «Плазы», а густой, теплый и удивительно мягкий мех, который мерно вздымался, как живой холм.

— Охренеть... — выдохнула я, чувствуя, как остатки офисного самообладания окончательно покидают чат.

— Не выражайся, — отозвалась морда, дернув ухом. Корона при этом звякнула и сползла еще ниже. — Здесь тебе не курилка. Вставай, Катерина Сергеевна. Раз уж ты так просилась в место, где тебя «оценят», то поздравляю — ты по адресу. Владыка как раз искал кого-то твоего профиля.

Я просто смотрела на него, не в силах даже моргнуть. В голове было пусто и звонко, как в пустом конференц-зале после тяжелого совещания.

— Ну? Чего замерла? Сползай давай! Работа сама себя не сделает, а у нас тут, знаешь ли, за прогулы не выговор выписывают, а голову откусывают.

Глава 4: Парсинг по-драконьи

Есть такой момент в жизни каждого нормального человека, когда мозг просто отказывается обрабатывать поступающую информацию. Ложится набок, показывает «синий экран смерти» и вежливо сообщает: «Извините, данные не соответствуют установленным параметрам реальности. Перезагрузка невозможна. Просьба обратиться к специалисту».

У меня такой момент наступил примерно через тридцать секунд после того, как я обнаружила, что лежу на говорящем коте размером с хороший диван.

Я сползла с него, вцепившись пальцами в упругий, пугающе горячий мех. Ноги слушались плохо, будто их владелец только что совершил затяжной прыжок с офисного унитаза прямиком в другое измерение. Собственно, именно это и произошло, но мой вестибулярный аппарат ещё не получил соответствующую служебную записку и теперь отчаянно слал сигналы о тошноте.

Я стояла. Дышала. Смотрела.

Помещение было огромным и давило своей монументальностью. Высоченные каменные стены уходили в темноту, где в круглых окнах-бойницах гнездился густой, янтарный свет. Не электрический, безжизненный свет ламп дневного света, к которому я привыкла, а живой, вибрирующий, словно сот-

ни факелов разом вздохнули. Камень под ногами был тёмным, почти чёрным, с прожилками, в которых пульсировало что-то золотистое. Пол оказался тёплым — неестественно тёплым, будто я стояла на спине огромного спящего зверя.

В нос ударил густой коктейль из запахов: старое дерево, горящая смола и резкий, мускусный аромат — так пахнет в зоопарке возле клетки большой кошки. Этот запах щекотал ноздри, включая в голове древние инстинкты, которые хором орал: «Катенька, это не Москва. Беги!»

— Можешь закрыть рот, — посоветовал кот. Голос у него был как у старого профессора, который разочарован в ассистенте. — Сквозняк.

Я послушно захлопнула рот.

Кот сидел передо мной, обернув лапы хвостом, похожим на меховое боа класса «люкс». Вблизи он выглядел ещё бо-

лее вызывающе. Медный, с тёмными полосами, и — вишенка на торте — маленькая золотая корона на макушке, которая держалась на левом ухе исключительно на честном слове и магическом упрямстве.

— Говорящий кот, — констатировала я. Голос прозвучал хрипло. Я поправила лямку сумки — тяжёлый ноутбук больно ударил по бедру, и эта тупая боль была сейчас самым приятным чувством на свете. Значит, я не призрак. Вес есть, синяк будет, физика работает.

— Наблюдательность потрясающая. Прямо дедукция уровня «бог», — кот зевнул, продемонстрировав клыки, способные перекусить штатное расписание вместе с папкой-регистратором. — Ты, говорят, HR-директор? Надеюсь, на собеседованиях ты была чуть более многословна, чем «ой, оно разговаривает».

Я несколько секунд молчала, переваривая язвительность этого пушистого монстра. Опыт пяти реструктуризаций и работы с токсичными гендиректорами подсказывал: когда реальность выходит за рамки должностной инструкции, нужно собрать данные, прежде чем впадать в деструктивную панику.

— Ладно, — я оглянулась, ища взглядом хоть что-то знакомое. Только камень, факелы и рыжая наглость в короне. — Где я?

— Это, — кот по-хозяйски обвёл лапой пространство, — преддверие Внешней башни Дворца Семи Теней. Столица

Драконьей Империи, город Златоград. Мир Эйтерия. Координаты в твоей системе отсчёта — примерно «очень далеко от кофемашины и дедлайнов».

— Драконья Империя... — эхом отозвалась я. — Значит, я...

— Попала? Да. Тебя призвали. Ритуальным заклятием. Хотя лично я считаю «древний ритуал» слишком пафосным названием для того, что по сути является магической рекрутинговой воронкой с очень жестким фильтром.

Внутри меня что-то мелко и истерично захохотало.

Значит, вот как оно бывает. Мои секретарши в «Техно-Лайне» ежедневно поглощали романы про попаданок в промышленных масштабах. В обеденный перерыв наш опенспейс превращался в филиал магической библиотеки. Особенно старалась Алина: она вечно вздыхала над стопкой новеньких, пахнущих типографской краской книжек с вызывающе яркими обложками. Названия там были одно краше другого: «Академия Его Тёмного Сиятельства» или «Собственность Дракона». На обложках мускулистые мачо в растёгнутых камзолах так яростно сжимали девиц в развевающихся платьях, что у последних, судя по выражению лиц, должен был немедленно случиться перелом позвоночника.

Я каждый раз закатывала глаза так сильно, что боялась увидеть собственный мозг. «Алина, — говорила я, — этот розовый кисель разжижает нейронные связи. Почитай лучше что-нибудь прикладное по тайм-менеджменту или хотя

бы новый кодекс».

Алина в ответ лишь мечтательно шептала: «Эх, Екатерина Сергеевна, вам бы тоже в другой мир... Там такие мужчины! И никакой ипотеки».

Что ж, Алина, официально признаю: я была неправа. 1:0 в пользу твоего инфантилизма. Ипотеки здесь и правда не видно, зато в наличии говорящий кот с завышенным самомнением. Одно уточнение: где, чёрт возьми, мой мускулистый мачо в камзоле? Почему в моей версии «рекрутинговой воронки» на входе стоит только рыжая моль в кривой короне?

— Значит, это всё по-настоящему, — я посмотрела на свои руки. На пальце всё ещё был след от чернильной ручки. Мелочь, а выбивает почву из-под ног.

— Удивительная скорость принятия, — кот неспешно лизнул подушечку лапы. — Обычно на этом этапе у кандидаток случается истерика, литр слёз и попытки протаранить головой стену в поисках обратного выхода. У тебя ушло три минуты. Зачёт.

— Я работаю в IT, — я сложила руки на груди, стараясь, чтобы они не дрожали. — Если сервер упал, его надо поднимать, а не рыдать над грудой железа. А сейчас я вижу перед собой критическую системную ошибку в виде огромного кота в ювелирном изделии.

Кот перестал лизать лапу и посмотрел на меня с таким видом, будто я только что предложила ему перейти на дешёвый

сухой корм.

— «Ошибка»? — он оскорбленно выпрямился, и корона на его ухе качнулась. — Я — не ошибка. Я — интерфейс. И, судя по твоему тону, интерфейс крайне недовольный.

— У интерфейса есть имя? Или мне обращаться к тебе «Эй, Кот-директор»?

— Для тебя — господин Феликс, — буркнул он, снова возвращая себе вид скучающего аристократа. — Хотя Владыка называет меня фамильяром, Хранителем протоколов и зрителем этой дыры. Но на данный момент я — твой единственный шанс не сдохнуть в этом мире в ближайшие пару часов. Так что советую проявлять лояльность.

— Скромно, — оценила я.

— Реалистично, — отрезал Феликс.

Я медленно обошла его, стараясь не наступить на длинный хвост. Кот терпел осмотр с видом аристократа в изгнании.

— Откуда ты знаешь обо мне? Имя, работа? — я остановилась напротив него.

— Ритуал призыва работает как хороший парсер. Собирает данные по ключевым словам. — Феликс поправил корону лапой. — Катерина Сергеевна Швецова, тридцать семь лет. HR-директор «ТехноЛайн». Ипотека на Проспекте Мира, платить ещё одиннадцать лет. Кошка Мурка, характер скверный, рацион — премиум-холистик. Бывший муж Дима, нынешний любовник Вадим. И вишенка на торте — утрен-

ний разнос от Алексея Александровича за ошибку, которую он сам же и подстроил. — Кот моргнул. — Кстати, с зеркалом в туалете вышло эффектно. Ты очень красиво ушла со сцены.

Я замерла. В голове что-то тихо щёлкнуло. Как звук закрывающегося сейфа. Всё.

Там осталась ипотека. Там остался Алексей с его фальшивой улыбкой. Там остался Вадим, путающий имена. Весь этот московский стресс схлопнулся до размера точки.

— Мурка одна? — спросила я, и это был самый важный вопрос.

Феликс явно ожидал чего угодно — вопросов о магии, золоте или драконах, но не о кошке. Его правое ухо озадаченно дернулось.

— Кормушка с автодозатором, — буркнул он. — Я проверил. На три дня хватит.

— На три дня, — повторила я, чувствуя, как в горле встает ком. — А потом?

— А потом зависит от тебя.

Мы помолчали. В вышине башни что-то зашуршало — то ли крылья, то ли само время перелистывало страницу моей жизни.

— Хорошо, Феликс. — Я покрепче перехватила сумку, в которой лежали мои бесполезные в этом мире девайсы. — Рассказывай. Зачем я здесь? И что это за Владыка, который занимается магическим хантингом в офисных туалетах

Москвы?

— Расскажу по дороге, Катерина Сергеевна. У нас путь неблизкий, а стоять в преддверии и ловить ртом сквозняки — дурной тон для топ-менеджмента. К тому же, драконы — народ крайне нетерпеливый. Если заставим Владыку ждать, проводить вводный инструктаж мне придется уже в кандалах. Шучу. Наверное.

Он развернулся и, не дожидаясь ответа, мощно зашагал вглубь зала.

— Советую поправить причёску на ходу, — бросил он через плечо. — Айзен не жалуется на небрежность, а от тебя сейчас за версту несёт «офисным выгоранием» и дешёвым адреналином.

— На себя посмотри, — буркнула я, автоматически поправляя съехавшую лямку блузки и пытаюсь пригладить растрепавшийся пучок. — У тебя корона на левом боку, а ты мне про дресс-код затираешь.

Кот даже не обернулся, лишь кончик его хвоста раздражённо дернулся.

— Моя корона — это символ статуса, а твой вид — это крик о помощи. Поспевай!

Я вздохнула и зашагала следом за рыжим гидом по гулким каменным плитам. Понедельник продолжался, и, судя по всему, совещание у Алексея Александровича было лишь лёгкой разминкой перед настоящим корпоративным адом.

Глава 5: План «Неликвид»

Я едва поспевала за Феликсом. Несмотря на свои габариты, кот двигался на удивление бесшумно и стремительно. Его мощные лапы мягко пружинили, а хвост-маяк уверенно вел меня сквозь анфиладу залов, которые заставили бы дизайнеров «Москва-Сити» забиться в угол и совершить коллективное харакири от осознания собственного ничтожества. Высоченные своды, инкрустация драгоценными металлами и статуи существ, чьи анатомические подробности заставили бы покраснеть даже самого раскрепощенного тренера по йоге.

— Поспевай, Катерина! — голос кота гулко отдавался от каменных стен. — Мы сейчас срежем через малую галерею, там меньше шансов встретить придворных сплетников. Тебе пока не стоит светиться раньше времени.

— «Светиться»? Феликс, я в белой шелковой блузке на фоне этого черного базальта выгляжу как бельмо на глазу! — я пропыхтела, чувствуя, как сердце начинает отбивать четку в районе горла. — Притормози... Ты огромный, тебе один шаг сделать — что мне стометровку пробежать. У меня сейчас случится производственная травма. Прямо на твоих глазах!

Феликс резко затормозил у выступа в стене — глубокого каменного дивана с подушками, набитыми чем-то души-

стым, похожим на хвою. Кот развернулся всем своим внушительным корпусом, и я едва не врезалась в его медный бок. Он критически осмотрел мой пылающий румянец и сбитое дыхание.

— Ладно. Вижу, твоя физическая подготовка застряла где-то между кофемашиной и кулером. Присядь на пару минут, — скомандовал он. — Дальше — пост охраны, там нужно выглядеть как леди, а не как загнанный курьер на грани нервного срыва..

Я с благодарностью рухнула на подушки, чувствуя, как сладко дрожат подгибающиеся колени. Феликс запрыгнул на возвышение рядом, по-хозяйски поджал свои мощные лапы и превратился в гигантский меховой булыжник.

— Итак, пока у нас образовался вынужденный технический перерыв, отвечу на твои вопросы — начал он. — А то у тебя лицо человека, который пытается в уме рассчитать налоги за прошлый год. На чем мы остановились?

— Мир Эйтерия. Попаданка. И твоё обещание объяснить, за каким чертом я вам понадобилась, — напомнила я, пытаюсь унять пульс.

— Ах, да. Базовый вводный курс, — Феликс хлестнул хвостом по боку. — Прежде чем ты увидишь Владыку, тебе стоит понять, куда ты попала. Эйтерия — это не демократия и даже не конституционная монархия. Это жесткая вертикаль власти, на вершине которой стоят драконы.

— Драконы? — я нервно поправила манжет блузки. —

Настоящие? С чешуей и нездоровой тягой к принцессам?

— С чешуей, капиталом и абсолютным правом на всё, что движется, — кот сухо дернул ухом. — Магия здесь — не сказка, а основной ресурс. Что-то вроде вашего электричества, только на нем держится вообще всё: от освещения улиц до жизни в твоём теле. Она есть у всех, кроме тех, у кого её нет. Последних здесь официально называют «пустыми», их обычно либо искренне жалеют, либо используют в качестве ростовых подставок для канделябров. Дискриминация в чистом виде, но таков рынок.

— Очень гуманно, — я выдохнула, чувствуя, как дергается левый глаз. — Социальный пакет — просто загляденье. Надеюсь, медицинская страховка покрывает лечение ожогов от воска?

— Забудь слово «гуманно». В Эйтерии правят методами, которые твой трудовой кодекс счёл бы особо тяжким преступлением против личности. Владыка Айзен — верховный дракон. Твой будущий работодатель и, при удачном стечении обстоятельств, муж. Двести тридцать семь лет, четырежды вдовец, и...

— Стоп. — Я подняла ладонь. — Откати назад. С этого места поподробнее. Четырежды вдовец?

— Ну да, — кот невинно моргнул. — Статистика, Катерина. Время, болезни, несчастные случаи. Драконье долголетие — штука коварная, жены изнашиваются быстрее.

— «Изнашиваются»? — я прищурилась, чувствуя, как

внутри просыпается инквизитор из отдела внутреннего аудита. — Феликс, в моем мире, если на позиции сменилось четыре человека и все четверо отправились прямиком в морг, компанию закрывают, а гендиректора сажают на пожизненное. Это не «статистика», это экстремально токсичная корпоративная культура. Давай по фактам: что конкретно случилось с предыдущим штатом жен?

Кот на мгновение замер, перестал терзать когтями обшивку дивана и посмотрела на меня с таким видом, будто я только что предъявила претензии к гравитации. Он издал короткий звук, похожий на вибрирующий вздох старого меха.

— Ох уж эти ваши «факты»... Ты пытаешься натянуть бумажную логику на чешую дракона, Катерина. Здесь выживает не тот, у кого контракт грамотнее, а тот, кто тверже духом. Или хотя бы быстрее бежит.

Он лениво поднял лапу и начал методично вылизывать подушечки, словно перечислял пункты в списке покупок:

— Первая была слишком хрупкой — аура Владыки её просто высушила. Вторая оказалась слишком любопытной — полезла в сокровищницу без допуска и... скажем так, превратилась в часть интерьера. Третья... не вынесла климата. Драконьи пики — это тебе не солярий, там либо ты дышишь огнем, либо леденеешь заживо.

— А четвертая? Тоже «не вписалась в экосистему»? — я сложила руки на груди, игнорируя его невозмутимость.

— Четвертая была просто дурой, — отрезал кот. — Ре-

шила, что драконье пламя — это идеальный фон для магического портрета. Захотела запечатлеть себя в лучах славы и огня, заказала художнику-иллюзионисту «живую картину»... и не рассчитала дистанцию. В общем, вакансия снова открыта, текучесть кадров зашкаливает, а репутация у работодателя, прямо скажем, подмочена. Поджарена, если быть точным.

— Кто бы сомневался, — хмыкнула я. — После четырех летальных исходов на одной и той же должности нормальные люди в очередь не строятся.

— Вот именно! Местные аристократки при виде Айзена теперь не в реверансах расплываются, а в обморок падают, причем исключительно в сторону выхода. Проект «Наследник» под угрозой, совет лордов требует стабильности, а Владыка в ярости. Ему нужна жена, Катя. Срочно. И такая, которая не превратится в горстку пепла при первом же семейном скандале.

— Ну а причем здесь я? Я, конечно, женщина закаленная московскими пробками, но огнеупорность в моем резюме не значится. Он что, не может сам найти решение для личной жизни в пределах этого мира?

Феликс посмотрел на меня как на стажера, который спросил, зачем в офисе кулер.

— Катерина, включи логику. Он — дракон из правящей династии. Его жена — это политический акт и залог выживания империи. Здешние дамы либо боятся его до икоты,

либо спят и видят, как бы прибрать к рукам казну. Ни те, ни другие ему не подходят. Отсюда и наш «хедхантинг» через миры. Ритуал призыва выдергивает по несколько кандидатов раз в несколько лет.

Я откинулась на подушку, пытаюсь переварить услышанное.

— Ага. Значит, «Холостяк» с драконьей спецификой. Шоу на выживание, где главный приз — четырежды вдовец. И что мне теперь делать? Где здесь выход к метро и как мне аннулировать этот принудительный наем?

— Выход только один, Катерина, — Феликс методично пригладил усы. — И лежит он через Академию невест. Это не просто школа благородных девиц, это твой единственный легальный шлюз и адаптационный период. Год интенсивного погружения: история Эйтерии, этикет и, самое главное, настройка твоей ауры. У нас это называют «магией привлекательности», хотя я бы назвал это «защитным покрытием».

— Магия привлекательности? — я скривилась, и перед глазами снова поплыли обложки книг Алины: девицы в прозрачных ночнушках, от которых за версту несет дешевым парфюмом и отсутствием интеллекта. — Если это про то, как хлопать ресницами и носить корсеты, то у вас серьезная ошибка в подборе персонала. Я на это не подписывалась.

— Не суди по обложкам, — фыркнул кот. — В Эйтерии драконы — существа высшего порядка. Их внутренняя энергия настолько мощная, что обычный человек рядом с ними

просто... перегорают. Как лампочка на пять вольт, включенная в сеть на пятьсот. «Магия привлекательности» — это защитный экран, побочный эффект ритуала. Она настраивает твой организм так, чтобы ты не рассыпалась пеплом при первом же рукопожатии с Владыкой. Ну и, как приятный бонус, она вытягивает на поверхность твои скрытые таланты, чтобы ты могла конкурировать с местными хищницами.

— То есть это что-то вроде техники безопасности для работы в агрессивной среде? — я прищурилась. — Допустим. Звучит логично. Но давай перейдем к главному: условия расторжения контракта. У меня есть варианты, кроме «счастливого выйти замуж за ящерицу-переростка»?

Феликс медленно приоткрыл один глаз, и в его золотистом зрачке промелькнуло нечто, подозрительно похожее на иронию.

— Варианты есть всегда, Катерина. Вопрос лишь в цене выхода. Видишь ли, магия призыва — это не благотворительность, а долгосрочная инвестиция. И Империя намерена получить дивиденды.

Он потянулся, выпустив когти, которые в полумраке блистали как хирургическая сталь.

— Если ты оправдываешь ожидания, прилежно учишься и подтверждаешь квалификацию «идеальной пары», тебя ждет вертикальный карьерный взлет. Финальный отбор, подпись Владыки в свидетельстве о браке, пакет «Лакшери» и личный дракон в вечное пользование. Это — успех.

— А если я подтверждаю квалификацию, сдаю всё на «пятерки», но в финале он выбирает не меня? — я прищурилась. — Тогда выходное пособие и билет до Москвы?

— Мечтай, — Феликс издал звук, отдаленно напоминающий смешок. — Если ты доказала, что ты — ценный ресурс, никто тебя обратно не отпустит. В Эйтерии дефицит качественных кадров. Не подошла генеральному — отправишься к советникам или генералам. В качестве... скажем так, почетного пополнения частных коллекций. Ресурс должен работать на благо Империи, а не прохлаждаться в другом мире.

— Прекрасно, — я скрестила руки на груди, чувствуя, как внутри закипает профессиональное негодование. — Либо замуж за гендиректора, либо в гарем к замам без права на увольнение. Крепостное право с магическим тюнингом. Второй вариант? Тот, где я всё-таки возвращаюсь в свой офис?

— Стать неликвидом, — Феликс потянулся всем своим диванным телом. — Честно провалить аттестацию. Если ты стабильно демонстрируешь профнепригодность, путаешь вилки для рыбы с чесалкой для спины и не можешь запомнить три строчки из имперского гимна — тебя официально признают «браком». А брак портал выкидывает обратно. Система настроена на перфекционизм, ей не нужно, чтобы ты портила местный генофонд своей бесталанностью.

— Идеальный план! — я аж подалась вперед, и в голове моментально выстроилась стратегия. — Просто завалить испытательный срок. Стать настолько безнадёжной, чтобы ме-

ня списали в утиль и отправили по адресу прописки.

— Тонкая грань, Катерина, — кот внезапно посерьезнел и прыгнул с возвышения, мягко приземлившись на плиты. Его хвост предостерегающе качнулся. — Если комиссия заподозрит, что ты намеренно саботируешь процесс или, упаси боги, планируешь бунт в Академии... включится третий путь. Монастырь жриц Луны. Восемьдесят лет тишины, пресной каши и полного отсутствия мужчин. У них там очень жесткий КРП по смирению. Выход оттуда — только вперед ногами.

Я помолчала, прикидывая шансы. Восемьдесят лет без секса, кофе и интернета против одного года качественной имитации деятельности.

— То есть, мне нужно провалиться так изящно, чтобы это выглядело как «природа не наградила талантами», а не как «я вас всех видела в гробу»?

— Именно. Требуется высшая квалификация в области контролируемого провала.

Феликс выпрямился, поправил лапой свою кривую корону и выразительно посмотрел в сторону коридора, ведущего к Тронному залу.

— Пора. Лимит времени на перекур исчерпан. Посмотрим, на что способен твой хваленый человеческий разум в условиях драконьего деспотизма. Еще ни одна попаданка не возвращалась домой добровольно — обычно они слишком быстро привыкают к шелку и магии.

Я поднялась, чувствуя, как в коленях наконец-то появилась рабочая твердость. Одернула пиджак, поправила сумку и посмотрела на рыжего гиганта сверху вниз.

— Феликс, я больше десяти лет пишу отказы кандидатам так, что они уходят счастливыми, чувствуя себя недостаточно идеальными для нашей компании. Уж поверь, я смогу убедить ваших экзаменаторов, что я — их самая грандиозная кадровая ошибка.

— Надеюсь на это, — буркнул кот и первым бесшумно двинулся вглубь галереи. — Иначе мне придется навещать тебя в монастыре, а я терпеть не могу пресную кашу.

— Иди уже, — я зашагала следом, в такт шагам прокручивая в голове список вещей, которые мне нужно вернуть. — Меня дома ждет Мурка, абонемент в фитнес-клуб и недопитый латте на миндальном. И ни один чешуйчатый вдовец не заставит меня сменить этот стресс на корону.

* * *

Мы вышли из ниши, и через пару минут коридор уперся в пост охраны. Двое огромных мужчин в чешуйчатых доспехах синхронно скрестили копья. От их кожи шел такой жар, будто я стояла у открытой духовки, а вертикальные зрачки немигающих глаз сканировали меня сверху вниз с беспардонностью рентгена.

— Свои! — рывкнул Феликс, даже не притормаживая. — Веду последнюю гостью по личному приказу Владыки. Уберите железки, пока я не заставила вас чистить конюшни до

конца века!

Охранники нехотя подняли копья, освобождая проход. Мы с котом гордо проследовали мимо, но я кожей чувствовала, как один из них буквально «липнет» взглядом к моей спине. Тонкая блузка, промокшая от бега и портального озноба, неприятно холодила кожу, а узкая юбка-карандаш явно не была рассчитана на то, чтобы в ней дефилировали перед изголодавшимися по женскому обществу чешуйчатymi громилами.

Когда я уже миновала пост, в спину прилетел приглушенный, рокошующий смешок.

— Пятая? — негромко бросил один другому, и я прямо кожей почувствовала, как он оценивающе прошелся взглядом по моим бедрам. — Мелкая какая-то. Бледная, зато формы... породистые. Ставлю десять золотых, что до зимы не дотянет. Слишком хрупкая для нашего лорда.

Я замерла. Внутри что-то щелкнуло — та самая пружина, которая обычно выстреливает на совещаниях, когда наглый подрядчик пытается сорвать сроки и при этом подмигивает секретарше. Я медленно развернулась на каблуках.

— Слушай, ты, — я посмотрела верзиле прямо в его змеиные глаза, не давая ему и шанса отвести взгляд. — Если я еще раз услышу прогнозы на свою жизнь или комментарии по поводу моих «форм», ты до зимы не дотянешь на этой теплой должности. Понял? Глаза не сожги, любуясь, — работай давай.

Охранник поперхнулся смешком и заметно вытянулся, явно не ожидая такого ледяного тона от «хрупкой» и «мелкой» девицы. Я круто развернулась и зашагала дальше, чувствуя, как внутри приятно вибрирует стальной стержень. Феликс, шедший впереди, едва заметно качнул хвостом — кажется, это был кошачий эквивалент одобрительного кивка.

Коридор вильнул последний раз, и мы замерли перед исполинскими дверями из темного металла. Из-за них доносился гул голосов и тяжелый, пряный аромат власти.

— Тронный зал, — Феликс сел у порога и посмотрел на меня почти серьезно. — Катерина.

— Просто Катя.

— Катя. Владыка сейчас в человеческом облике, но это лишь маскировка. Ты почувствуешь давление — это чистая биология, страх перед высшим хищником. Не дай инстинктам принимать за тебя решения.

— Ты всем невестам это говоришь? — я поправила лямку сумки, проверяя, плотно ли она прилегает к плечу.

— Нет, — Феликс на мгновение прикрыл глаза. — Обычно они начинают визжать от восторга раньше, чем я успеваю открыть рот.

— Я не буду визжать, — пообещала я. — У меня иммунитет на харизматичных начальников.

— Я знаю. Поэтому и предупредил.

Я глубоко вдохнула, подняла подбородок и сделала первый шаг.

— Ну что, Феликс, — прошептала я. — Начнем это представление.

Глава 6: Логистический сбой в межмирье

Есть выражение «с корабля на бал». В моем мире его обычно используют, когда ты прилетаешь из командировки и сразу бежишь на корпоратив, пытаясь в такси стереть с лица следы недосыпа. Я всегда считала его изящной метафорой.

Оказывается, нет.

Настоящее «с корабля на бал» — это когда тебя выдергивают из дамской комнаты бизнес-центра, протаскивают через магический портал, заставляют бежать по замку с говорящим котом и выпихивают в тронный зал к дракону. Причем в этом уравнении «корабль» — это стерильный офис «Плазы» и сорванная планерка, а «бал» — место, где тебя собираются рассматривать как племенную кобылу. Без подготовки, без души и, что самое обидное, без возможности написать заявление об увольнении.

Я замерла перед исполинскими дверями, которые, судя по всему, ковали в филиале ада для перфекционистов. Огромные, из темного, вибрирующего металла, они были покрыты золотой вязью сплетающихся драконов.

Я прищурилась, разглядывая детали.

— Слушай, Феликс, — шепнула я, наклонившись к меховому уху. — А это точно исторический барельеф? Или у них

тут принято выносить личную жизнь на фасад?

Кот поднял на меня скептический изумрудный глаз.

— На что намекаешь, Катя?

— На то, что позы у этих ящеров подозрительно... анатомические. Это битва или пособие по драконьей камасутре?

Феликс задумчиво мазнул взглядом по дверям и выдал:

— Драконы — существа экспрессивные. Граница между яростью и страстью у них тоньше, чем твой здравый смысл. Привыкай.

— Замечательно. Меня сейчас представят владыке эротического фэнтези, — проворчала я, поправляя лямку сумки. — Страшно представить, какой у них там дресс-код внутри. Если там всё в таком же стиле, боюсь, площади моего рабочего пиджака не хватит, чтобы прикрыть весь этот местный «срам», если они решат его мне продемонстрировать.

— Ты нервничаешь, — констатировал кот.

— Я в шоке. Это стадия, когда нервная система уже сдаётся и просто смотрит кино.

Двери разошлись с тяжелым металлическим гулом, от которого завибрировали даже пломбы в зубах. Я сделала глубокий вдох, мысленно надевая свою «маску директора по персоналу», и шагнула внутрь.

Тронный зал был избыточным. Если бы у золота и пафоса случился бурный роман, их общим домом стал бы этот зал. Потолок терялся где-то в стратосфере в золотистой дымке, а колонны толщиной с вековой дуб (или средних размеров

офис гендиректора) подпирали свод, украшенный фресками. Я мельком глянула вверх: драконы в небе, драконы в огне... О боже, и снова те самые «художественные» позы.

«Неплохая пластика у ребят», — отметила я про себя. — «Интересно, у них анатомия совпадает с человеческой, или там всё так же запутано, как на этом потолке?»

Пол из черного зеркального камня отражал золотые светильники так чисто, что казалось, я иду по замершему ночному озеру. Мои лодочки на среднем каблуке издавали предательски громкий «кляц-кляц», нарушая торжественную тишину.

В центре зала уже стоял «цветник». Четыре девушки. И мой внутренний HR-директор невольно присвистнул. На них были шелка, сложные прически с жемчугом, а лица светились таким магическим «фотошопом», будто их неделю мариновали в эликсире молодости. Они выглядели как коллекционные куклы, сошедшие с витрины.

И я. В центре этого великолепия. В узкой юбке-карандаше, в блузке, которая после портала выглядела так, будто я в ней спала в стогу сена. Плюс сумка с ноутбуком через плечо, добавляющая образу неповторимый шарм загнанного клерка.

— Феликс, — прошептала я, не сводя глаз с этого парада красоты. — А их что, выдернули с каких-то важных мероприятий? Вон та, в розовом, явно с венчания сбежала, а блондинка — как минимум с премии «Человек года». Толь-

ко меня одну из туалета достали, не дав даже пудру обновить?

Кот искоса глянул на мои помятые рукава и вздохнул:

— Вообще-то, портал выплюнул всех одновременно ещё три дня назад. И пока ты где-то болталась, они уже успели пройти адаптацию, выбрать платья, сонастроить ауры...

— Три дня?! — я едва не споткнулась, чудом удержав равновесие на зеркальном полу. — Погоди, Феликс. Для меня всё это заняло секунду: туалет, вспышка — и я здесь. Где я, по-твоему, была всё это время? В пространственной очереди?

Кот даже не обернулся, продолжая гордо шествовать вперед.

— В межмирье, Катя. Пока ты там моргнула, здесь сменилось три заката. Портал работает специфически: ваши десять минут — это наш целый день. С твоей «доставкой» случилась обычная задержка из-за разницы во времени.

— Потрясающе, — я поправила лямку сумки, чувствуя, как внутри закипает праведное негодование. — То есть они — подготовленный кадровый резерв с полным пакетом спaproцедур, который ждал меня три дня, а я — застрявшая посылка, которую курьер наконец-то дотащил до двери. Без упаковки и в помятом виде.

Мы как раз поравнялись с группой девушек. Феликс остановился и изящно дернул хвостом в сторону свободного места в шеренге.

— Прибыли. Вставай в строй, Катерина. Мне нужно переговорить с распорядителем, так что не скучай. И постарайся никого не уволить до прихода Владыки.

— Эй, ты куда?.. — начала было я, но кот уже растворился в тених между колоннами с быстротой, недоступной обычному домашнему питомцу.

«Ну молодец. Всю дорогу грузил меня лекциями о том, как тут всё опасно, а в самый ответственный момент испарился? Предатель», — мысленно проворчала я вслед рыжему хвосту. — «Бросил на амбразуру и даже инструкцию не оставил. Истинный аристократ, ничего не скажешь».

Остаться в этом пафосном безмолвии в одиночку было неуютно, и я, по привычке, начала «заземляться» единственным доступным мне способом — анализировать окружающих. Профессиональная деформация: когда не понимаешь, где находишься, начни изучать контингент.

Слева от меня, почти касаясь плечом, стояла совсем молоденькая брюнетка, лет девятнадцати. На ней было пышное нежно-голубое платье, явно дорогое, но она в нем так неуютно ежилась, будто это был скафандр не по размеру. Испуганные глаза и руки, сжатые в замок так крепко, что побелели костяшки. Она смотрела на меня с такой немой надеждой, будто я сейчас достану из кармана пошаговый план спасения и всё объясню. Бедная девочка. Я бы и сама не отказалась, чтобы мне кто-нибудь всё объяснил.

За ней расположилась рыжая девица с короткой стриж-

кой. Взгляд солдата, подбородок задрал так, будто она прямо сейчас готова объявить импичмент местному правительству. Она не рассматривала золото — она сканировала зал, вычисляя кратчайший путь к дверям. Я узнавала этот прищур: сама так сидела на совещаниях у Алексея Александровича, прикидывая шансы на побег в случае провала проекта.

Дальше по списку шла ослепительная блондинка. Идеальная фигура, безупречная кожа и такая осанка, будто у неё вместо позвоночника — титановая линейка, на которую наизано непомерное эго. Она одаривала нас такими взглядами, какими я когда-то просматривала резюме кандидатов на топовые позиции. Холодно, оценивающе и с заранее вынесенным вердиктом: «не соответствует корпоративным стандартам».

Замыкала шеренгу тихая девушка в очках. Единственная, кто игнорировал конкуренток, увлеченно изучая фрески на потолке. В руках она сжимала какой-то предмет — кажется, пыталась делать заметки прямо на ходу.

— Прекрасно, — негромко пробурчала я себе под нос. — Настоящий зоопарк.

— Вы ещё не видели преподавателей нашей Академии, — раздался тихий, чуть дрожащий голос слева.

Я повернула голову. Брюнетка — та самая, испуганная — смотрела на меня с робкой улыбкой.

— Там гораздо страшнее.

Я невольно улыбнулась в ответ. Градус напряжения в воз-

духе чуть спал.

— Не сомневаюсь. В любом мире руководство — это отдельный вид монстров.

Девушка нервно хихикнула и сделала ко мне осторожный шаг, понизив голос до заговорщического шепота:

— Я Мирабель. Простите... просто ваш наряд. Это сейчас так носят в столице? Или вы из вольных земель?

Я посмотрела на неё, потом на сверкающий зал, потом на пустую колонну, где исчез кот. Сравнила своё офисное комбо с её нежным шелком и вздохнула.

— Если это и столица, то очень другой страны. Катя. И мой наряд называется «я просто зашла помыть руки и случайно сменила реальность».

Мирабель округлила глаза, но договорить не успела. Рыжая девица, стоявшая за ней, бесцеремонно вклинилась в наш междусобойчик, чуть наклонившись вперед.

— Вас тоже выдернули силой? — прямо спросила она, игнорируя светские любезности.

Я перевела взгляд на рыжую. В её глазах горело такое знакомое «сейчас я тут всё разнесу», что я невольно оценила потенциал.

— Ну, вежливым приглашением это точно не назовешь, — ответила я. — В моем мире за такие фокусы обычно полагается тюремный срок. А у вас это что, считается нормой?

— У нас за такое начинают войну, — мрачно отрезала рыжая. — Я Лира. И я не собираюсь здесь задерживаться.

— Хороший мир, — одобрительно кивнула я. — Правильный подход. Люблю людей, которые не ждут у моря погоды. Надо будет туда переехать, когда здесь закончим.

— Сомневаюсь, что вам стоит планировать какое-то «после», — раздался холодный голос блондинки. Она даже не повернула головы. — Владыка не тратит время на... таких.

Я медленно повернулась к этой «иконе стиля».

— О, мне всегда интересно послушать экспертное мнение. Среди каких — «таких»?

Она соизволила удостоить меня коротким взглядом — сверху вниз, с тем самым выражением, которое я видела на лицах моделей, когда мимо проходил кто-то в масс-маркете.

— Старше тридцати, — припечатала она. — Здесь ценят свежесть аур и чистоту крови, а не... накопленный жизненный опыт. Вас отбракуют первой и отправят обратно в ту дыру, из которой достали.

Я моргнула. Внутри на секунду воцарился хаос. Первая мысль была восторженной: «То есть меня просто вышвырнут домой? Прямо сейчас? Господи, это был бы лучший подарок в жизни!». Но следом, на рефлексх, вылетела вторая — чисто женская и острая как скальпель: «В смысле — опыт?!».

В голове на мгновение промелькнул чек из клиники косметологии и сумма моего годового бонуса в «Плазе», но потом я просто улыбнулась. Самой своей «директорской» улыбкой, от которой у стажёров обычно холодели пятки.

— Надеюсь, ваш Владыка ценит не только свежесть аур,

но и наличие признаков жизни в черепной коробке, — мягко заметила я. — Интеллект, знаете ли, чертовски помогает, когда жемчуг в волосах начинает давить на пустоту внутри. А если меня «отбракуют» за избыток мозгов — я сама доплачу за обратный билет. Считайте это моим благотворительным взносом в ваш серпентарий.

Тихая девушка в очках в самом конце строя вдруг звонко хихикнула, не отрываясь от своих записей. Мы обменялись с ней коротким, понимающим взглядом. «Вот с этой мы точно сработаемся», — подумала я.

И в этот момент в зале стало тихо. Очень тихо.

Это не была просто тишина, когда люди перестают болтать. Воздух вдруг стал плотным, тяжелым, как перед грозой, когда давление падает так резко, что начинает закладывать уши. Нас словно накрыло невидимым куполом, вытесняя кислород и заменяя его густой, вибрирующей мощностью.

Мирабель рядом со мной медленно выдохнула — и я заметила, что она делает это осознанно, будто сдерживает дрожь внутри. Рыжая Лира мгновенно подобралась, плечи её напряглись, а взгляд стал жёстким и сосредоточенным. Блондинка напротив — картинно выпрямила спину и подняла подбородок. Это было похоже на рефлекс: она ждала удара и решила встретить его во всеоружии своей красоты.

Я огляделась. Все девушки реагировали примерно одинаково — кто-то бледнел, кто-то замирал статуей. Что-то в самом пространстве давило на них физически, заставляя под-

чиниться.

Странно.

Я ничего не чувствовала. Вообще ничего. Для меня воздух остался прежним — прохладным и пахнущим старым камнем. Только шаги... я слышала их очень отчетливо.

Тяжёлые. Спокойные. Размеренные — как у человека, который никуда не торопится, потому что прекрасно знает, что весь мир подождёт, пока он дойдёт до цели.

Я повернула голову. И впервые увидела его.

Глава 7: Иммуни́тет на харизму

Владыка драконов был высоким. Метр девяносто с чем-то абсолютной, подавляющей уверенности. Каждая линия его фигуры, каждый сантиметр роста выглядели так, будто природа создавала его в момент высшего вдохновения, не скупясь на детали. Тёмные волосы до плеч, тяжёлый чёрный бархат, расшитый золотой драконьей вязью, — всё это я отметила автоматически, как отмечают фон на дорогой презентации.

Главным были глаза. Золотые. С узким, почти неразличимым вертикальным зрачком.

Он двигался с ленивой, опасной грацией хищника, который точно знает: он здесь альфа. Не потому, что у него корона или охрана. Просто — знает.

Невесты рядом со мной буквально перестали дышать. Я же просто прищурилась, рассматривая его как очень сложный, дорогой и потенциально взрывоопасный объект.

«Ну здравствуй, главный ящер», — пронеслось в голове. Ладно. Признаю. Экземпляр редкий. В мой отдел кадров такой бы не пришел — он бы этот отдел купил вместе с бизнес-центром и переименовал в свою честь.

Он шёл не один. За ним на почтительном расстоянии семенил мужчина в тёмно-синих одеждах. Лицо у него было

такое знакомое, что я едва не поздоровалась: так выглядят главные бухгалтеры после налоговой проверки или юристы, которые последние двадцать лет разгребают последствия чужой глупости и уже не надеются на отпуск в этой жизни. Подмышкой он зажал стопку свитков с такой нежностью, с какой я прижимаю ноутбук, когда иду на расстрельное совещание.

Советник. Главный архивариус местного хаоса. Весь его вид буквально кричал: «Я здесь только фиксирую ваши косяки, исправлять я их уже не в силах».

— Владыка, — негромко произнес Советник, склонив голову. — Пятая прибыла, состав полный. Если позволите, закончим с формальностями побыстрее. Совет ждет аудиенции сразу по завершении осмотра.

Айзен лишь едва заметно повел плечом, давая понять, что услышал.

Он остановился перед нашей шеренгой. Советник шагнул вперед, развернул свиток и начал читать имена — монотонно и тоскливо, как читают инструкцию к освежителю воздуха.

Владыка двинулся вдоль строя. Медленно, едва переставляя ноги, с видом человека, который зашёл в антикварную лавку и заранее знает, что ничего стоящего там не найдёт. Это не был осмотр невест, это была инспекция имущества. Очередная. Пятая по счету, если верить мрачным анонсам Феликса про четырехкратное вдовство этого ящера.

Я наблюдала за этим парадом с профессиональным интересом. Любопытно, как у них тут принято формировать

«кадровый резерв» — по выслуге лет или всё-таки по личным качествам? Судя по тому, как блондинка буквально вибрирует от желания понравиться, критерии отбора не сильно отличаются от наших корпоративных посиделок, где все хотят примазаться к гендиректору. Только там максимум, что светит — годовая премия, а здесь, видимо, пожизненное содержание в драконьем замке. Если, конечно, не сгоришь на работе раньше времени.

Айзен окидывал каждую девушку коротким, тяжелым и абсолютно скучающим взглядом. Никакого блеска в глазах, никакого мужского интереса — только холодная фиксация фактов. Кажется, он по лицу читал всё: и сколько часов они провели перед зеркалом, и сколько надежд вложили в этот выход. Для него это был чистый протокол. Отработанная схема. Галочка в бесконечном имперском расписании. Розовое платье, жемчуг, испуганные глаза, выпяченная грудь — он пролистывал их, как рекламные листовки в почтовом ящике.

Пока не дошел до меня.

Советник перелистнул свиток. Нашёл следующую строку. Нахмурился. Перечитал ещё раз.

— Екатерина. Тридцать... — он запнулся. Кашлянул. — Простите, Владыка. Здесь, по всей видимости, вкралась ошибка в записях.

— Тридцать семь, — сказала я. — Всё верно.

Советник поднял на меня взгляд поверх свитка. Посмот-

рел так, будто я только что сообщила ему, что прилетела вер-
хом на драконе.

— Тридцать семь, — повторил он тихо. Почти про себя.
Как будто проверял, не изменится ли цифра при повторном
произношении.

Не изменилась.

Айзен остановился напротив меня. Вблизи он был ещё...
эффектнее. Золотые глаза смотрели на меня с тем самым вы-
ражением, которое бывает у людей, когда они находят в ко-
робке с запчастями лишнюю деталь. Вроде бы всё понятно,
но непонятно, зачем она здесь.

*«Ну давай, — подумала я, глядя в эти глаза-прожекто-
ры. — Посмотри на меня. Я — та самая бракованная де-
таль, которую можно смело выбрасывать обратно в ко-
робку. Давай, признавай ошибку и отправляй домой. Я даже
обижаться не буду».*

— Ты старше остальных, — констатировал он. Голос у
него был такой, что захотелось либо немедленно присесть в
реверансе, либо проверить, на месте ли мой кошелек. Бар-
хатный, низкий, с лёгкой хрипотцой — такие голоса обыч-
но бывают у дикторов в дорогих рекламных роликах, кото-
рые пытаются убедить тебя купить авто премиум-класса, ко-
торый тебе не по карману.

Я посмотрела на него. Потом демонстративно на советни-
ка со свитком. Потом снова на Владыку.

— А вы, судя по всему, старше меня как минимум в шесть

раз, — сказала я. — Но я тактично молчу.

Тишина стала такой, что стало слышно, как у советника дрожит перо. Блондинка рядом со мной, кажется, вообще перестала дышать — и это в прямом смысле, я боковым зрением увидела, как у неё остановилась грудь на полном вздохе. Мирабель тихо охнула и вжалась в своё голубое платье. Девушка в очках наклонила голову набок и посмотрела на меня поверх оправы с таким видом, будто всерьёз пыталась определить: я герой-самоубийца или у меня просто справка от психиатра имеется. Даже рыжая Лира, которая ещё минуту назад сверлила взглядом колонны, сейчас замерла с выражением «ну всё, сейчас будет файер-шоу, и мы в первом ряду».

Я мысленно пожала плечами. Ну а что? Сказала как есть. Если здесь принято сжигать за правду — значит, не судьба. Зато быстро.

Айзен смотрел на меня несколько секунд. Его зрачки-щелочки на мгновение расширились, поглощая золото глаз, и я почувствовала... нет, не гнев. Скорее, инстинктивное внимание хищника к новой игрушке. Так кот замирает перед незнакомым предметом, решая: поиграть или проигнорировать.

Он сделал шаг ближе, вторгаясь в моё личное пространство так бесцеремонно, как будто у меня его вообще никогда не было. Я почувствовала горьковатый запах костра и старой кожи. И жар. От него действительно исходил жар, как от только что заглушённого мотора. Непривычно, но терпимо.

Он протянул руку и остановил ладонь в нескольких сантиметрах от моего лица.

И тут я поняла, что происходит. То же самое, как когда он вошел, только сильнее.

Воздух вокруг сгустился. В ушах зазвенело. Но не больно. Просто... странно. Как в самолёте при взлёте.

Я смотрела на его ладонь. Красивая рука, кстати. Ухоженная, с длинными пальцами, без кольца. В голове промелькнула неуместная мысль: «а у местных вдовцов положено носить траур или они сразу снимают украшения? У драконов вообще существуют такие понятия, как семейный статус на пальце?»

— Интересно, — сказал он. Не мне. Скорее себе.

А потом я поняла, что смотрю не на руку, а сквозь неё. И заметила, что происходит за его плечом. Девушки, которые только-только начали расслабляться, решив, что осмотр окончен и Владыка просто «завис» на бракованном экспонате, теперь выглядели так, будто их разом придавило невидимой бетонной плитой. Цветник померк: кто-то побледнел до синевы, кто-то судорожно вцепился в подол платья, а кто-то просто замер с остекленевшим взглядом, мелко дрожа под весом этой внезапной, выламывающей кости мощи.

А я? Я просто стояла и смотрела на его ладонь.

«Так, — подумала я. — Кажется, я что-то упускаю. Он что, сейчас делает что-то такое, что должно меня... ну, не знаю, парализовать? Прижать к полу? Заставить при-

знать­ся в любви с первого взгляда? Потому что, если честно, максимум, что я чувствую — это лёгкий дискомфорт и , пожа­луй, хо­чется чихнуть от этого запаха костра».

Я не шелохнулась. Годы в HR приучили меня к одной простой истине: какой бы «звездой» ни был человек напротив, он всё равно просто кандидат, которому нужно уделить время. После десяти лет работы в режиме «пожар на складе во время наводнения», после бесконечных разборок с акционерами и сумасшедшего утра, мой личный лимит на стресс был исчерпан досуха. Меня теперь если чем и можно было пробить, то только прямой наводкой из танка. Да и то я сначала уточню калибр и потребую компенсацию за моральный ущерб.

— Владыка, — осторожно подал голос советник, — это явная неточность портала. Она не соответствует... ни по одному критерию. Ни искры, ни молодости. И, как видите, даже на ваше давление реагирует... неадекватно. Мы могли бы вернуть её обратно в ту же минуту и...

Внутри меня всё замерло. Вернуть? Прямо сейчас? Господи, да! Давай! Я мысленно уже собирала сумку, гладила Мурку и заказывала кофе в любимой кофейне. Ещё минута — и я снова в своей уютной однушке, где единственный дракон — это начальник на экране Zoom.

— Нет.

Одно слово. Спокойное. Окончательное.

И моя мысленная кофейня рассыпалась в пыль.

— Если она здесь — значит, портал нашёл в ней то, что не учитывают ваши формальные критерии, — Айзен наконец-то убрал руку, и давление в зале сразу нормализовалось.

Девушки вокруг задышали, зашевелились, но смотрели на меня теперь совсем иначе. В их глазах застыла смесь ужаса и недоумения — как смотрят на человека, который только что погладил по голове разъяренного тигра и остался с руками.

— Зачислить всех в Академию, — бросил он Советнику, уже направляясь к трону. — И позовите ко мне Рейна.

Айзен пошёл прочь, даже не взглянув на меня ещё раз. Советник засеменил следом, на ходу делая пометки в свитке.

А я осталась стоять посреди этого золотого великолепия с единственной мыслью:

«Ну вот, Катя. Ты так хотела провалиться, что провалилась с точностью до наоборот. Теперь ты не брак, а эксклюзив. И что мне с этим делать?»

Глава 8: Харизма из матовой стали

В моем мире существует негласное правило корпоративного выживания: хочешь дотянуть до пятницы в здравом уме — никогда не становись любимчиком босса в первый же день. Особенно если этот босс — стихийное бедствие с золотыми глазами и привычкой испепелять взглядом в буквальном смысле. Внимание высокого руководства — это не бонус к зарплате и не перспектива карьерного роста. Это мишень на твоей спине, нарисованная жирным неоновым маркером.

Обычно на «новеньких», решивших выскочить в авангард, коллеги смотрят с плохо скрываемым презрением. Но здесь, в гулких анфиладах драконьего замка, я поняла: «плохо скрываемое» — это еще комплимент. Завистью не просто пахло. Воздух вокруг меня буквально искрил и отдавал жженой магнезией, как перед коротким замыканием.

Тяжелые створки тронного зала захлопнулись за моей спиной с таким надрывным вздохом, будто сам дворец смертельно устал от всей этой пафосной показухи. Я выдохнула вместе с ним. Свобода. Ну, в очень относительном, тюремном смысле этого слова. Вряд ли местная служба безопасности в лице безликих слуг в серых ливреях, конвоировавших нас сюда, внезапно похорошеет и отпустит меня погулять в ближайший торговый центр.

Коридор, в который нас вывели, по степени пафоса на-

поминал помесь Эрмитажа с декорациями к высокобюджетному фэнтези, где бюджет на сусальное золото не ограничивали ничем. Бесконечные анфилады мрамора и стрельчатые своды, уходящие куда-то в стратосферу, словно специально были созданы для того, чтобы ты чувствовала себя маленькой песчинкой. Наконец-то появились окна — узкие, готические, с витражами такой сложности, что от их кровавых и изумрудных бликов на полу рябило в глазах. Будь я нормальной туристкой, я бы уже висела в шпагате на одной из этих колонн, пытаюсь сделать идеальный кадр для соцсетей.

Но я не была туристкой. Я была «посылкой с задержкой» и сомнительным содержимым. Грузом, который адресат только что осмотрел, брезгливо поморщился, но почему-то решил не возвращать на склад.

Тишина в коридоре продержалась ровно пять секунд. Ровно столько потребовалось моей главной конкурентке, чтобы осознать: высокие зрители скрылись за дверями, а значит, можно перестать транслировать в мир образ благородной де-вы и наконец-то показать зубы.

— Ты хоть понимаешь, что ты наделала, выскочка?

Голос резанул по ушам, как ржавая пила по стеклу. Я медленно обернулась, не снимая с лица маски вежливого безразличия.

Блондинка стояла, скрестив руки на груди, и её фарфоровое личико сейчас подозрительно напоминало мордочку рассерженной кобры, готовящейся к броску. Остальные невесты

испуганно притихли, буквально вжимаясь в мраморные стены. В их мирах, видимо, не принято было устраивать разборки прямо у порога тронного зала, но девушка явно считала, что её «звездный час» был цинично украден женщиной в неподобающей обуви.

— Понимаю, — я поправила сумку на плече, глядя ей прямо в зрачки. — Я прошла первичное собеседование. А ты, судя по выражению лица, всё ещё ждешь, когда тебе перезвонят из отдела кадров?

— Ты превратила священный ритуал в дешевый балаган! — она сделала резкий шаг ко мне. Воздух вокруг неё пошел мелкой рябью, как над раскаленным асфальтом — я кожей почувствовала покалывание чужой, едва сдерживаемой магии. — Владыка должен был оценивать наши Дары, нашу чистоту и происхождение! А вместо этого он потратил время на... на обсуждение твоего дряхлого возраста! Ты — недоумение. Техническая ошибка портала, которую он просто пожалел.

Я усмехнулась и в который раз порадовалась тому, что возраст даёт восхитительный иммунитет к чужому мнению. В двадцать лет такая перепалка, возможно, довела бы меня до слёз или нервного перебирания подола. В тридцать семь она вызывала только лёгкий приступ зевоты и желание поскорее найти кофе. Когда ты видела сотни истерик при увольнении и пережила пару дефолтов, шипение красавицы в парче кажется не более опасным, чем шум неисправно-

го кондиционера.

— Слушай, Барби, — я сделала встречный шаг, вторгаясь в её личное пространство и заставив её на секунду запнуться от моей наглости. — Если твоё хваленое «сияние» настолько тусклое, что его затмила простая женщина в мятой блузке, то у меня для тебя плохие новости. В бизнесе это называется «низкая рыночная стоимость». Вместо того чтобы пускать здесь ядовитые слюни, попробуй поработать над личным брендом. А то пока ты тянешь только на декоративный фикус в приемной: глаз радуется, но кислорода вырабатывает меньше, чем занимает места. Красиво, дорогая, но абсолютно бесполезно.

— Как ты смеешь... — она задохнулась, её безупречная кожа пошла некрасивыми пунцовыми пятнами, а пальцы вцепились в шелк платья так, что послышался треск. — Я Амелия де Вальер! Мой род корнями уходит в...

— Довольно.

Голос прозвучал негромко, но от него по полу прошла ощутимая вибрация, а воздух в коридоре мгновенно остыл на добрую десятку градусов. Амелия захлопнула рот так резко, что я почти услышала стук её зубов. Девушки вокруг втянули головы в плечи; кто-то судорожно уставился в пол, изучая рисунок мрамора с таким рвением, будто там был зашифрован путь к спасению.

Из глубокой тени боковой галереи вышел мужчина. Если Айзен был воплощением слепящего пафоса, то этот персо-

наж казался ожившей скалой. Черный мундир, лаконичный и пугающе функциональный, сидел на нем как вторая кожа, подчеркивая разворот тяжелых плеч. Пепельные волосы, короткая стрижка и шрам, пересекающий скулу рваной белой молнией.

Я не шелохнулась. Внутренний «рентген», заточенный на

выявление альфа-лидеров в кризисных ситуациях, зашкалил. В его серых глазах не было высокомерной скуки Владыки. Там была ледяная, хирургическая оценка.

Амелия попыталась изобразить реверанс, но её коленки заметно дрогнули. Она опустила взгляд, как и все остальные, признавая безусловное доминирование этого человека. В коридоре воцарилась такая тишина, что стало слышно, как оседает пыль в косых лучах витражей.

— Владыка не любит шума в жилом крыле, — произнес он. Голос низкий, с рокоющими нотками, от которых мурашки по спине выстроились в ровную шеренгу и замерли по стойке «смирно». — Хотите выяснять отношения — в Академии есть тренировочный зал. Там как раз не хватает свежего мяса для спаррингов.

Его взгляд медленно перетек на меня. Тяжелый, давящий, почти физически ощутимый — так смотрят на потенциальную угрозу. Или на потенциальную проблему. Или на потенциальную... нет, Катя, не додумывай.

На долю секунды его зрачки сузились, фиксируя единственную деталь в этом коридоре, которая не склонилась и не отвела глаз. Я смотрела в ответ. Прямо, с тем спокойным любопытством, которое обычно приберегала для особо наглых кризис-менеджеров. Внутри что-то опасно натянулось, как струна под смычком. Черт возьми, а у этого мужика харизма была похлеще, чем у его коронованного босса. В ней не было золотого блеска — только матовая сталь и концен-

трированный запах опасности.

Мужчина едва заметно повел бровью — то ли заинтригованный наглостью, то ли прикидывая, в какую именно камеру меня лучше запереть. Задержав на мне взгляд ровно на секунду дольше, чем следовало, он развернулся. Тяжелые сапоги зачеканили шаг по мрамору с ритмичностью метронома. Он направился напрямик в тронный зал, даже не взглянув на застывшую в полупоклоне Амелию.

Стоило дверям за ним закрыться, как плотный, вымороженный воздух взорвался коллективным выдохом. Невесты зашевелились, зашептались; Амелия судорожно принялась расправлять складки платья, хотя её пальцы всё еще заметно подрагивали.

— Сюда, — буркнул один из слуг в сером, явно тоже только что начавший дышать, и указал в противоположную сторону. — Велено заселить вас немедленно и выдать вещи. Живее, госпожа, до заката нужно закончить.

Проводник тут же зашагал прочь, не оборачиваясь — пришлось догонять. Я торопливо застучала каблуками по гулкому камню и, уже настигая его серую спину, бросила короткий взгляд через плечо. Остальные девушки под конвоем уходили вглубь галереи.

— А как же они? — я кивнула на удаляющиеся шлейфы платьев. — Групповой инструктаж отменяется?

— Другие госпожи распределены ранее, — провожатый не замедлил шага, чеканя слова, будто зачитывал инвента-

ризационную опись. — У них свободное время для созерцания и молитв.

Слуга резко затормозил у стены, где между двух тяжелых бронзовых канделябров тускло поблескивала металлическая пластина. Я замерла, машинально проверяя, не нужно ли прикладывать пропуск. Но стоило ему прошептать что-то неразборчивое, как металл пошел рябью, вспыхнул неоновым синим и выгнулся в узкую, пульсирующую арку.

— Портал быстрого доступа, — равнодушно пояснил серый. — Академия находится в восточном крыле. Пешком идти четверть часа через три моста, но господам не положено сбивать дыхание и портить обувь.

Я внутренне усмехнулась. Видимо, когда меня тащили к тронному залу, в категорию «госпож» я еще не попадала — была просто неучтенной единицей хранения на транзитном складе. Что ж, классика: статус определяет комфорт.

— Да уж, сервис уровня «бизнес-плюс», — пробормотала я, шагая в синее марево. — Жаль, в «Плазе» такого девайса не было. Мы с девочками из бухгалтерии вечно штурмовали лестницы пешком, когда курьеры с пиццей оккупировали все лифты.

Глава 9: Розовый бордель и аудит некрологов

Переход оказался на удивление прозаичным. Никаких спецэффектов — просто на секунду пространство вокруг сжалось до размеров тесной телефонной будки, а потом выплонуло нас в просторный холл, залитый приторным розовым светом.

— Мать твою... — выдохнула я. Сетчатка глаз мгновенно взмолилась о пощаде.

Если тронный зал Айзена был гимном суровой мужской доминанте, то Академия оказалась территорией победившего гламура в его терминальной стадии. Розовый мрамор был везде: на полу, на стенах, в изгибах колонн. Нежный, с белыми прожилками, он больше напоминал свежую мясную нарезку премиум-класса, чем строительный материал. Огромные хрустальные люстры дробили свет на тысячи бликов, которые множились в зеркалах. Зеркал тут было столько, будто здесь готовили не невест, а профессиональных селфи-моделей для запрещенных соцсетей.

Слуга, не обращая внимания на мой культурный шок, повел меня по анфиладе, которая больше напоминала музей «Успешного успеха для домохозяек». На стенах — гобелены с белоснежными свадьбами, где невесты сияли так ярко, что

хотелось зажмуриться. В нишах — витрины с украшениями размером с кулак.

Но моё внимание привлекли портреты.

Вдоль всей стены висели изображения женщин. Красивых, статных, в тяжелых коронах. И под каждым — изящная табличка с «сопроводительным письмом». Я замедлила шаг, читая на ходу:

«Мария-Антуанетта де Савой. Сгорела от страсти».

«Изольда Светлая. Угасла в священном ожидании».

«Береника. Не справилась с величием горного холода».

— Ничего себе у вас тут отдел некрологов, — не удержалась я, чувствуя, как по спине пробежал холодок. — Стиль «ушел по собственному желанию», да?

Слуга даже ухом не повел, но я-то знала этот почерк. В «ТехноЛайне» мы тоже писали в официальных рассылках: «Иван Иванович покинул пост в связи с желанием проводить больше времени с семьей», хотя все знали, что Иван Иваныча просто уволили за откат от поставщиков. Здесь же вместо увольнения было буквальное превращение в пепел.

— Госпожа, не задерживайтесь. Ваши покои, — слуга остановился у массивной створки, обтянутой нежной кожей, и толкнул её, открывая вид на комнату.

Я шагнула внутрь, ожидая увидеть нечто вроде номера люкс в «Ритце»: дорого, пафосно и стерильно, как операционная. Но комната оказалась... жилой. Вопреки розовому безумию холла, здесь чувствовалась рука человека, который

когда-то думал о чужом комфорте, а не только о престиже империи.

Две массивные кровати с балдахинами из тяжелого, матового шёлка манили пуховыми одеялами, в которых можно было утонуть вместе со всеми своими дедлайнами. Между ними примостился столик из светлого дерева с вазой свежих цветов — их густой медовый аромат успешно боролся с запахом старого камня. В углу расположился туалетный столик с зеркалом в такой резной раме, что на её чистку у клининга уходила бы вечность. На столешнице — целый арсенал баночек, пузырьков и костяных щеточек. Я с любопытством откупорила один флакон: пахло лавандой и чем-то неуловимо кондитерским.

Одна из кроватей уже была «маркирована»: поверх покрывала живописным слоем лежали платья, на спинке повисла кружевная накидка, а на полу сиротливо завалились на бок изящные туфельки.

— Моя соседка, — констатировала я, опознавая стиль «творческий беспорядок».

— Располагайтесь, госпожа, — проскрипел слуга от порога, дожидаясь, пока я закончу осмотр. — Ваши вещи доставят в ближайшее время. Ужин через час в малом обеденном зале. Советую не опаздывать — в Академии ценят дисциплину не меньше, чем чистоту помыслов.

Он отвесил короткий, чисто механический поклон и бесшумно притворил за собой дверь.

«Чистоту помыслов? Серьезно?» — я невольно хмыкнула, вспомнив «пособие по драконьей камасутре» на входных дверях и художественную гимнастику ящеров на потолке тронного зала. Если ЭТО у них называется чистотой, то мне страшно представить, как здесь выглядит легкий флирт. Похоже, местный этикет — штука крайне гибкая, примерно как те золотые драконы в небесных позах.

Я с коротким стоном рухнула на край свободного матраса. Пружины приняли форму моего тела с такой нежностью, которой мне остро не хватало последние лет пять. Мурка бы оценила качество наполнителя — она в вопросах мягкого эксперт мирового уровня.

Из сумки предательски вывалилась зарядка для ноутбука — бесполезный в этом мире хвост из белого пластика. Я раздраженно запихнула её обратно. Перед глазами на миг всплыл экран смартфона с непрочитанными сообщениями. Дико хотелось написать: «Лен, привет, я в глубоком офлайне. Меня хантили драконы. Скажи Алексею, что заявление на увольнение вышлю почтовым голубем. Или порталом. Целую, ваша Катя».

Дверь тихо скрипнула, и в комнату впорхнула Мирабель. При виде меня её лицо расплылось в такой искренней улыбке, что мне стало почти неловко за свой цинизм.

— Катя! — выдохнула она, прижимая ладони к щекам. — Вы — моя соседка! Какое счастье! Я так боялась, что меня поделят к Амелии. Или к той... ну, которая всё время мол-

чит и смотрит сквозь тебя, как рентген.

— К Ирме? — уточнила я, припоминая девушку в очках.
— Она вполне безобидна. Просто у неё мозг работает быстрее, чем речевой аппарат. У нас таких называют «интровертами с высоким IQ».

— У нас таких называют «себе на уме», — Мирабель присела на свою кровать, сдувая со лба непослушную прядь. — Но я рада, что это вы. Вы... вы не такая, как все эти леди.

— Спасибо, — я изобразила легкий поклон головой. — В моём мире это обычно формулировали как «не вписалась в корпоративную культуру».

Мирабель смутилась, но тут же подалась вперед, понизив голос до заговорщического шепота:

— Катя, я хотела предупредить... Тот мужчина в черном мундире, который остановил нас в коридоре. Вы поняли, кто это?

— Местная служба безопасности. Начальник охраны или кто-то вроде того.

— Его зовут Рейн, — Мирабель почти прошептала имя, испуганно косясь на дверь. — Он начальник стражи. И... говорят, он пленник Владыки. Когда-то их роды сражались за престол. Айзен победил, но не казнил его, а связал клятвой верности на крови. Теперь Рейн охраняет замок и нас — потенциальных невест своего врага.

Я лениво вытянула ноги, чувствуя, как блаженно расслабляются мышцы, и уставилась в потолок, пряча внезапную

вспышку интереса. Пленник. Бессрочный контракт в «золотой клетке» на должности главного цербера. Теперь этот взгляд — тяжелый, как надгробная плита, — обретал смысл. Это не была просто суровость служивого человека. Это была выдержка того, кто ведет обратный отсчет.

— Опасный тип, — Мирабель округлила глаза. — Говорят, если он на тебя просто посмотрит без настроения, аура может дать трещину. А вы... Катя, вы же на него смотрели в упор! У Амелии чуть истерика не случилась, она решила, что он нас всех сейчас в порошок сотрет из-за вашей дерзости. Никто не смеет так задирать Начальника стражи.

— Да ладно тебе, какой там «в порошок», — я отмахнулась, поудобнее устраиваясь на подушках. — Мужчина просто обозначил правила внутреннего распорядка. Мол, не орите под дверью у босса, а если чешутся кулаки — идите в спортзал. В этом плане он мало чем отличается от моего Вадимыча на проходной в «Плазе». Тот тоже считал, что тишина в офисе — залог процветания, и карал за лишние децибелы так, будто мы гостайну конкурентам выбалтываем.

Мирабель недоверчиво покачала стопой, на которой болталась туфелька, но спорить не стала. В её взгляде ясно читалось, что мой бывший начальник охраны вряд ли умел вызывать мороз по коже одним движением брови.

В дверь постучали — вежливо, но с тем характерным нажимом, от которого у меня в голове сразу всплыло: «Екатерина, зайдите в отдел кадров, есть разговор».

Я ожидала увидеть очередного «серого» биоробота в лифее, но на пороге сидел Феликс. Наглый, рыжий и с выражением морды жуликоватого менеджера по продажам, который только что всучил тебе неликвид и очень собой доволен.

— Развлекаетесь? — осведомился он, сканируя комнату взглядом ревизора. — А работать за вас Пушкин будет? Или кто там у вас за дедлайны отвечает?

— Феликс! — я искренне обрадовалась этой меховой радиостанции. — Явился, душа в перьях. Бросил меня на амбразуру без вводного инструктажа и карты минных полей!

— Инструкцию ты написала себе сама, причем сразу должностную, — фыркнул кот, по-хозяйски заходя внутрь. — Пункт первый: нахамить генеральному в первый же день. Пункт второй: выжить и получить повышение. Весь замок гудит, как трансформаторная будка: «Пятая невеста предъявила Владыке претензии по возрасту, а он вместо того, чтобы пустить её на шашлык, выдал ей абонемент в Академию». Ты теперь местная легенда, Катя. Поздравляю с успешным выходом на рынок.

— Охренеть, — выдохнула я, падая обратно на подушки. — Именно об этом я и мечтала. Посмертная слава в мире, где даже у котов есть ювелирка.

— Не язви. Тебе вредно для цвета лица, — Феликс щёлкнул хвостом, и в комнату тенями просочилась пара безмолвных слуг, нагруженных свёртками.

— Это что? — я приподняла бровь. — Гуманитарная по-

мощь пострадавшим от телепортации?

— Процедура выдачи униформы, — объявил кот, запрыгивая на мой туалетный столик и усаживаясь прямо на флакон с лавандой. — Не переживай, лекала подбирались индивидуально. Магический портал при «приеме» считывает параметры точнее, чем твой любимый фитнес-браслет.

— То есть мои ТТХ теперь лежат в общей базе данных? — я подозрительно прищурилась. — И кто администратор сервера?

— Доступ уровня «Топ-менеджмент», — Феликс блаженно зажмурился. — Владыка, Совет и, разумеется, системный администратор в моем лице.

— Великолепно. Мой объем талии теперь — государственная тайна. Чувствую себя объектом стратегического назначения.

Слуги начали методично потрошить гору принесенного скарба. Я успела заметить кружевную пену пеньюаров, какие-то шелковые ленты, подозрительно напоминающие кулечки из одной ниточки, и целую батарею туфель на убийственных шпильках.

Но стоило им развернуть самый верхний лот из основной стопки, как я моргнула. Потом посмотрела еще раз, надеясь, что это оптическая иллюзия.

Черный шелк, глубокое декольте (которое заканчивалось где-то в районе пупка) и разрезы по бокам, создававшие стойкое ощущение, что ткани на производстве хватило толь-

ко на переднюю планку. Спины у платья не было как класса — только тонкие цепочки, больше похожие на рыболовную снасть.

Я осторожно взяла это «недоразумение» двумя пальцами за бретельку.

— Феликс, поясни для тупых: это учебная форма или приглашение на корпоратив в стиле «Последний шанс старой девы»?

— Это стандартный комплект для занятий по этикету, — невозмутимо ответил кот, увлеченно изучая свой маникюр. — Академия готовит невест Владыки, а не бухгалтерию для монастыря. Здесь принято подсвечивать активы, а не прятать их под пиджаками.

— Мои активы, — я невольно скосила глаза на собственную грудь, которая последние пару лет вполне счастливо жила в закрытых блузках от Marks & Spencer, — никогда не нуждались в таком агрессивном маркетинге. У меня есть базовый гардероб. Пиджак, юбка-карандаш... в них я выглядела как профессионал, между прочим!

— Пиджак... — Феликс произнес это слово так, будто я предложила ему поест опилок. — Забудь. В Эйтерии женщина в пиджаке — это либо вдова кузнеца в глубоком трауре, либо сумасшедшая. А невесты носят это.

— Ну, если Владыке так нравится режим «максимальная прозрачность», ему бы очень зашло в нашем отделе маркетинга в разгар тендера, — проворчала я.

Мирабель, которая уже успела стащить свое пышное платье и остаться в тонкой сорочке, смотрела на меня с сочувствием.

— Я сначала тоже была в шоке, — прошептала она. — Но тут так принято. Это как... как магическая броня, только наоборот.

Второй сверток, который слуги встряхнули прямо перед моим носом, оказался изумрудным и еще более коварным: шнуровка сзади предполагала наличие либо пяти запасных рук, либо личного раба-корсетчика. Я представила, как пытаюсь в этом сесть, не выдав в эфир все подробности своей анатомии, и мне захотелось обнять свои оставшиеся в Москве джинсы.

— Итого: три комплекта «casual» для выживания в коридорах, два вечерних — для психологических атак на Владыку, и тренировочный костюм, — отчеканил кот, кивнув на остальную кучу тряпок, которую слуги начали аккуратно развешивать в шкаф.

Тренировочный костюм оказался почти приличным: шорты и облегающая майка. На фоне остального борделя это выглядело как скафандр высшей степени защиты. Я почти прослезилась от облегчения — в этом хотя бы можно было дышать.

Когда слуги исчезли, Феликс снова щелкнул хвостом. На стол шлепнулась стопка пергаментов.

— Твой КРІ на ближайший месяц. Расписание.

Я развернула верхний лист.

— Подъём в пять утра? — мой левый глаз начал мелко подергиваться. — Магия привлекательности? Этикет? Искусство соблазнения?

Я пролистала пергамент дальше и споткнулась о пункт, который в этом списке «розовых соплей» смотрелся как финка в коробке с зефиром.

— Курс «Угощение для высоких гостей»... — я подняла взгляд на кота. — Феликс, в моем мире если в расписании топ-менеджмента стоит пункт «особое гостеприимство», значит, кого-то собираются либо жестко подставить, либо напоить до потери пульса, чтобы подписал контракт. У вас это тоже эвфемизм для «как подсыпать цианид и мило улыбнуться», да?

— О, профдеформация пошла на пользу, — одобрительно мурлыкнул кот. — Владение ядами и антидотами — обязательный модуль. Вдруг на семейном ужине кто-то из кузенов Владыки решит, что ты лишняя на этом празднике жизни? Лучше уметь определять мышьяк по запаху, чем по судорогам.

Мирабель за моей спиной издала тонкий звук, похожий на писк сдувающегося шарика.

Я углубилась в чтение, надеясь найти хоть один просвет в этой магической каторге. Но тщетно. Ни одного «окна». Никаких кофе-брейков. Внизу — приписка мелким шрифтом, прямо как в кредитном договоре: «Три пропуска — исклю-

чение с последующим направлением в монастырь жриц Луны».

— У вас тут строже, чем в моём универе, — сказала я, откладывая пергамент. — И чем на работе, кстати. Там я могла хотя бы кофе пить во время совещания.

— Кофе, — кот поморщился. — Эта горькая бурда тебе здесь не понадобится. В Академии подают эльфийский чай. Бодрит как электрошок, вкус приятнее и, что немало важно, зубы остаются белыми. Для твоей новой «униформы» это важно.

— В общем, — Феликс спрыгнул со столика и направился к двери, — советую выспаться. Завтра в пять утра ты должна быть в западной галерее. И, Катя...

Он обернулся, и в его зелёных глазах мелькнуло что-то, отдалённо напоминающее заботу.

— Мой тебе совет: включи режим «серая мышь». Не отвечивай. Здесь тех, кто слишком ярко горит, либо тушат быстро и навсегда, либо... просто ломают. Постарайся слиться с ландшафтом, если хочешь дожить до отпуска.

— Слиться с ландшафтом? — я посмотрела на груду шелка, который едва прикрывал совесть, и на свои 175 сантиметров роста. — Феликс, я в этом розовом борделе буду смотреться как пожарная машина на детском утреннике. Но я попробую. Скрытое управление — мой конек.

— Посмотрим, какой ты конек, — хмыкнул кот и исчез за дверью, оставив нас с Мирабель наедине с расписанием, от

которого уже завтра начнётся мой личный ад.

Глава 10: Десерт для Владыки

Вечером, когда за окнами Академии сгустились сумерки и розовый мрамор приобрёл пепельный, почти металлический оттенок, мы с Мирабель сидели на кроватях, поджав ноги. На ужин мы не пошли — после порտальной встряски и «теплого» приема в тронном зале желудок сжался в тугий узел, игнорируя любые мысли о еде. Слуги принесли в комнату травяной чай — напиток пах луговыми цветами и тем самым покоем, которого мне сейчас катастрофически не хватало.

Я успела переодеться в ночную рубашку — на удивление удобную, из плотного хлопка, не стремящуюся выставить на обозрение то, что я привыкла оставлять в тайне. Мирабель же, напротив, куталась в облако кружевного пенюара. Она с каким-то почти детским восторгом рассказывала о своём мире, но за этим щебетом я чувствовала растущее напряжение. В какой-то момент она осеклась, внимательно разглядывая меня поверх края чашки.

— Можно я спрошу кое-что личное? — начала она с такой осторожностью, будто шла по тонкому льду.

— Валяй. После сегодняшнего шоу с драконом меня сложно смутить.

— Вы правда одна? Совсем? Ни мужа, ни...

— Ни детей, — я закончила за неё, глядя, как в чашке кружатся чайники. — Правда.

Мирабель замолчала, переваривая услышанное. В её мире, где женщины, кажется, существовали только как приложение к мужчине, это звучало как диагноз. Она спросила тихо, без капли осуждения — скорее с искренним, почти научным непониманием:

— И вам не... одиноко?

Я задумалась. Честный ответ на этот вопрос я себе давала редко, обычно предпочитая забивать пустоту графиками и квартальными отчётами.

— Бывает, — сказала я наконец, ощущая непривычный вкус правды на языке. — Но знаешь, я была замужем пять лет. И под конец я была одинока куда сильнее, чем сейчас, когда живу одна.

Мирабель подняла на меня глаза — в них не было жалости, только острый, почти болезненный интерес.

— Почему?

— Потому что я тянула нас двоих, а он всё это время «искал себя». Творческий кризис длиною в вечность. — Я невесело усмехнулась прямо в чашку. — В итоге нашёл кого-то на десять лет моложе меня. Видимо, с ней процесс поиска пошел быстрее.

— И вы его отпустили?

— Я его выставила, — поправила я, и в голосе против воли прорезались стальные нотки HR-директора, закрывающего убыточный проект. — Это разные вещи, Мирабель. Первое — благородно. Второе — честно по отношению к себе.

Она долго молчала, кусая губу. Потом неожиданно прошептала:

— Мне нравится, как вы это говорите. Как будто это совсем не больно.

— Это давно не больно, — я прижала ладони к теплому фарфору, глядя в окно — Просто в определенный момент ты понимаешь: лучше быть одной и дышать полной грудью, чем задыхаться вдвоём в тесной клетке.

Что-то в моих словах заставило её вздрогнуть. Она опустила взгляд на свои тонкие пальцы, судорожно сжатые на коленях.

— У меня дома был жених, — сказала она так тихо, что мне пришлось прислушиваться. — Родители выбрали. Я видела его всего два раза, на смотринах. Он был старый, злой и смотрел на меня так, как смотрят на скот перед ярмаркой — оценивал, сколько я прослужу и сколько прибыли принесу.

Она сделала короткую паузу, борясь с комом в горле.

— Я сбежала в ту же ночь. Думала: раз уж бежать, то так далеко, чтобы не нашли. Дальше некуда и оказалось.

— Портал, — догадалась я.

— Портал, — подтвердила она и невесело улыбнулась. — Сначала я решила, что здесь — спасение. Красиво, богато, никакого запаха старости и злобы. А теперь понимаю: выбирают всё равно за тебя. Просто прутья у этой клетки золотые и пахнут розами.

Я посмотрела на неё другими глазами. Девятнадцать лет,

испуганный взгляд, но внутри — стержень из чистой стали, заставивший её шагнуть в неизвестность среди ночи. С такими людьми нужно держать ухо востро: они либо ломаются с громким треском, либо в итоге оказываются крепче всех нас, вместе взятых.

— Значит, мы обе в ловушке, — подытожила я, глядя на наше блеклое отражение в темном окне. — Только ты бежала «от», а я попала «в». Но итог один: из нас пытаются вырастить удобный десерт для Владыки.

— Катя... — Мирабель понизила голос до шепота. — А вы действительно планируете завалить аттестацию?

Я чуть не поперхнулась остывшим чаем.

— Откуда такие сведения? У стен есть уши?

— Феликс, — Мирабель пожала плечом. — Он это всем новеньким говорит. Тем, у кого глаза слишком квадратные от ужаса. Каждой обещает именно то, что ей нужно, лишь бы не билась в истерику в первую же ночь. Кому-то — статус, кому-то — любовь до гроба, а вам, я так понимаю... дорогу домой.

Я поставила чашку на столик. Фарфор звякнул в тишине комнаты слишком отчетливо.

Ну конечно. Браво, хвостатый. Красивый кейс по управлению ожиданиями: если ценный кадр хочет уволиться в первый же день, продай ему перспективу выхода через год. Главное — закрыть план по удержанию персонала на текущий квартал. А я, как зеленый стажер, купилась на «индивиду-

альный подход», напрочь забыв про КРІ. Расслабилась, почувяла родную душу... Профессиональная деформация, чтоб её.

— И что, — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал поделовому сухо, — кто-нибудь уже воспользовался этим «социальным лифтом»? В смысле, уходил через провал?

Мирабель печально покачала головой.

— Насколько я успела узнать — нет. Ни разу.

— Почему? Прутья клетки слишком крепкие?

— Наверное, — она замялась, и на её щеках выступил едва заметный румянец. — Но говорят и другое. Девушки в итоге втягиваются. Роскошь, магия... и сам Владыка. Говорят, он очень... горячий мужчина. И это, Катя, совсем не про драконье пламя. Многие через неделю забывают, что у них где-то был дом, и начинают грызть друг другу глотки за право просто постоять рядом с ним.

Я усмехнулась, но веселья не чувствовала. Стандартная воронка продаж: сначала тебе обещают легкий выход и «индивидуальный график», а потом ты сам не замечаешь, как подписываешь контракт на пожизненное рабство, ослепленный харизмой лидера и качественным соцпакетом.

— Посмотрим, — коротко бросила я, но внутри всё неприятно зудело.

Мирабель допила чай, погасила свой магический светильник и легла, укрывшись одеялом до самого подбородка. В комнате воцарилась синяя ночная тишина, нарушаемая

лишь далеким, тоскливым криком какой-то птицы.

— Катя? — снова позвала она из темноты. — Девочки шептались, что Владыка может прийти на завтрашний урок. Говорят, он любит лично проверять, как усваивается материал.

— Аудит, значит? Ну пусть заходит, не велика птица. Я как раз люблю неудобные вопросы на совещаниях, — пробурчала я, сползая под одеяло и щелкая выключателем.

— Он великая птица... ой, то есть дракон, — серьезно отозвалась Мирабель. — И он... он правда невероятный. Вы же видели.

Я не ответила. До меня дошло осознание, что в голосе Ми-рабель уже вибрировала та стадия фанатского восторга, ко-гда критическое мышление пакует чемоданы. Похоже, Айзе-ну даже не нужно было пускать в ход магию — статус и ха-ризма делали всю грязную работу за него. Еще пара таких встреч с «акционером», и моя новоиспеченная союзница по-плывет, оставив меня один на один с этим корпоративным адом.

Я поглубже зарылась в подушку, пытаясь отгородиться от чужого восхищения. Одеяло было слишком легким, непри-вычно гладким и пахло какими-то успокаивающими трава-ми, но на меня этот маркетинговый ход уже не действовал. Я поворочалась, пытаясь найти удобную позу, и уставилась в потолок, где в глубоких тенях плясали отсветы магических огней.

Сон не шел. Мозг, привыкший засыпать под бормотание очередного детективного сериала или после редких, ни к чему не обязывающих свиданий, отказывался уходить в спящий режим в этой стерильной тишине. Вместо того чтобы отдыхать, сознание услужливо подкинуло мне «работу на дом».

В темноте мысли пошли по второму кругу, и в центре этого круга, разумеется, оказался «невероятный» Владыка. Если отбросить чешую и пафос, Айзен — это просто токсичный гендиректор с неограниченным ресурсом. Опасный? Безусловно. Непредсказуемый? О да. Но любой диктатор спотыкается на одном и том же: он верит в собственную незаменимость и в то, что его все любят. А я таких «небожителей» пачками видела на бизнес-форумах. Плавали, знаем.

Где-то в глубине замка гулко пробил колокол. В этой тишине звук показался на удивление казенным, почти как звонок на перемену или сигнал к началу смены. Он невольно напомнил мне о Рейне. Его застывшее, почти восковое лицо снова всплыло перед глазами. Днем это вызывало скорее оторопь и холодок по спине — слишком уж он не походил на живого человека, — но сейчас, в темноте, включилось профессиональное сочувствие. Интересно, что он делает в свободное время? Чистит меч? Считает дни до конца клятвы? Смотрит на луну и вспоминает, как пахнет свобода? Если такой ресурсный кадр, явно знающий систему изнутри, не нашел выхода из этой золотой клетки, на что надеюсь я со

своим уставом в чужом монастыре?

Ладно. Картина, конечно, не радужная. План, который казался мне изящным и простым, сегодня вечером дал трещину по всем швам. Но я не затем десять лет разгребала чужие корпоративные катастрофы, чтобы сломаться в первую же ночь от того, что план пришлось пересмотреть. Любая система — даже драконья — имеет уязвимости. Просто их не всегда видно в первый день. Завтра мы посмотрим, чья возьмёт на этой планёрке.

Травяной чай наконец подействовал, тяжелым теплом разливаясь по венам. Мирабель задышала ровно, а я провалилась в сон — глубокий и странный. Мне не снились ни отчеты, ни Мурка, ни ипотека. В моем сне только пахло раскаленным металлом, дождем и чем-то мускусно-сладким, а чьи-то золотые глаза внимательно следили за мной из темноты, не давая повернуть назад.

Глава 11: Изумрудный скафандр

Первое утро на новом проекте — это всегда инвентаризация катастрофы. Тот краткий миг между сном и реальностью, когда ты еще отчаянно надеешься, что вчерашний апокалипсис тебе просто приснился. В моем привычном мире это утро пахло бы свежемолотой арабикой, подгоревшим тостом и легким раздражением на весь белый свет. Ты лежишь, вслушиваешься в шум просыпающегося города — далекий гул Садового кольца, хлопок двери подъезда, ворчание мусоровоза — и пытаешься уговорить себя, что встать и пойти разгребать завалы — это не наказание, а очередной «карьерный вызов».

Я замерла, балансируя на грани пробуждения. Мозг уже начал составлять список дел, но тело все еще верило в уютную мягкость одеяла и не планировало покидать эту зону комфорта. И в этот момент реальность подала первый тактильный сигнал.

Сквозь сон меня что-то мягко щекотнуло по щеке. Тепло. Пушисто. Живо.

Я машинально потянулась рукой, ожидая наткнуться на наглую морду Мурки. Сейчас пальцы зароятся в теплую шерсть, кошка недовольно боднет ладонь, а я выторгую у неё еще пять минут блаженного небытия перед тем, как идти на кухню... Но рука встретила только пустоту и прохладный

воздух.

Щекотка не прекратилась. Наоборот, стала настойчивее, переместившись на кончик носа.

— Мурка, имей совесть... — пробормотала я, пытаясь зарыться поглубже в подушку.

В ответ — тишина. И снова деликатное, почти невесомое касание по брови. Я нехотя приоткрыла один глаз, скосив его на край подушки. В нежно-розовом луче рассвета там замер крошечный, абсолютно невозмутимый мотылёк. Его крылья отливали лунным серебром, а усики шевелились с таким важным видом, будто он проводил ревизию моей физиономии.

— Уважаемый, вы ошиблись адресом, — прошептала я, едва шевеля губами. — Пыльцы нет. Есть только очень злой кадровик в стадии глубокого отрицания. Улетай, пока я не вспомнила, где здесь лежат тапки.

Мотылёк, видимо, не нашел во мне ничего перспективного, порхнул к окну и растворился в свете.

Я зажмурилась и с тяжелым вздохом перекатилась на спину. Десять секунд. Я дала себе ровно десять секунд темноты, чтобы обмануть сознание. Сейчас зазвонит будильник с той самой мелодией, которую я ненавижу, не глядя нажму «отложить», привычно пролью кофе на белую блузку и буду тихо ненавидеть пробки по дороге в «Плазу». Мой привычный, понятный, выстроенный годами мир.

Раз. Два. Три...

За окном что-то звякнуло — металлическое, четкое, резонирующее в камне стен. Раздался низкий, рокочущий голос, отдавший короткую команду. Ему тут же ответил слитный, дисциплинированный хор голосов, от которого едва ощути-мо дрогнули стекла в тяжелых рамах.

Звук дисциплины. Его не спутаешь ни с чем. Так по утрам под окнами офиса перекликались рабочие, начинающие смену, или солдаты на плацу. Кто-то уже занял свои рабочие места, пока я тут практикуюсь в искусстве самообмана.

Восемь. Девять. Десять.

Я открыла глаза и уставилась в потолок. Надо мной вместо белой побелки тяжело нависал балдахин из темно-синего шёлка. На кисточках по углам лениво пульсировали магические искры, заменяющие ночники. Тяжелые портьеры на окнах пропускали ровно столько света, чтобы я могла оценить масштаб бедствия: резная мебель, инкрустированные шкафы и полное отсутствие хотя бы намека на розетку или кулер.

Значит, не приснилось. Драконы, говорящие коты и шелковые пеньюары — это теперь моя должностная инструкция на ближайший год.

Я резко села, откидывая одеяло. Ступни коснулись холодного мрамора, и по позвоночнику тут же пробежал бодрящий разряд тока. Сон смыло мгновенно. Мозг, натренированный годами дедлайнов, послушно вывел перед глазами вчерашнее расписание. Пять утра. Зарядка.

С соседней кровати донеслось судорожное шуршание. Мирабель, запутавшись в бесконечных кружевах сорочки, пыталась выбраться из одеяла, как бабочка, которая еще не решила, стоит ли ей вообще покидать кокон.

— Катя... доброе утро, — прошептала она, испуганно глядя на окно. — Уже пять. Слышите? Стража... они начинают тренировку.

— Слышу, — я поднялась, чувствуя, как внутри закипает привычное раздражение на слишком ранние дедлайны. — Значит, и нам пора на выход.

Я посмотрела на соседку. Мирабель в панике пыталась то ли затянуть шнуровку на ночнушке, то ли просто прикрыть декольте, но в ворохе дорогого шёлка её движения выглядели хаотично. Она вздрагивала от каждого выкрика во дворе, окончательно теряя самообладание.

— Мира, выдыхай, — я решительно направилась к шкафу, массивные дверцы которого открылись с легким, едва слышным стоном. — Оставь в покое свои рюши, всё равно переодеваться. Судя по тому, как муштруют стражу под окнами, опоздавших здесь не жалуют.

— Магистра Тильда не прощает лишних минут! — всхлипнула Мирабель, наконец-то выпутавшись из кружев и вскакивая. — Девочки вчера шептались, что она может лишить ужина за малейшую заминку. Или того хуже — заставит чистить камни мостовой магическим выплеском до полного изнеможения...

— Штрафные санкции — это я проходила, — я выудила из недр шкафа тот самый изумрудный тренировочный костюм и критически его осмотрела.

Вчера, в куче кружевных пеньюаров и корсетов, он показался мне почти целомудренным. Я даже мысленно назвала его «скафандром высшей степени защиты», радуясь отсутствию шнуровок. Ткань на ощупь была странной — плотной, холодной и подозрительно эластичной. Никаких пуговиц или завязок — просто обтекаемый кусок изумрудной материи, который сошел бы за разработку секретных лабораторий НАСА, а не за одежду в средневековом замке.

— А вот падение от истощения не входит в мои КРІ на этот квартал, — я начала стягивать сорочку, игнорируя смущенный взгляд Мирабель. — Так что ускоряемся, дорогая. Шоу начинается.

Я с трудом втиснулась в костюм, и мое вчерашнее облегчение испарилось. Материя оказалась агрессивно эластичной: она не просто облепила меня, как вторая кожа, а буквально диктовала, как мне дышать. Шорты, казавшиеся в шкафу спортивными, на бедрах превратились в нечто едва прикрывающее тазовые кости. Холодный шёлк майки транслировал в мир все подробности моей анатомии, которые я предпочла бы оставить при себе, а между лопаток предательски потянуло сквозняком — вырез на спине уходил куда-то в район поясницы, заставляя чувствовать себя почти обнаженной.

Если бы в «Плазе» я появилась в таком виде, отдел безопасности вызвал бы мне психиатров, а совет директоров — экзорцистов. Изумрудный шёлк подчеркивал каждый изгиб, превращая серьезного HR-директора в персонажа компьютерной игры для взрослых.

— Ох, Катя... — выдохнула Мирабель, глядя на меня широко раскрытыми глазами. Она так и застыла со своей сорочкой в руках. — Вы выглядите... очень решительно.

— Я выгляжу как человек, которому срочно нужен кофе и юридическая консультация по поводу нарушения личных границ, — отрезала я, затягивая волосы в тугий узел на затылке. Ткань на груди при каждом движении вызывающе натягивалась, напоминая, что мой «скафандр» на проверку оказался бронежилетом из туалетной бумаги. — Но за неимением обоих, пойдем пугать Магистру Тильду моей стрессоустойчивостью.

Глава 12: Платный просмотр для акционеров

Западная галерея встретила нас бодрящим сквозняком и панорамой, от которой хотелось либо немедленно вдохновиться на подвиги, либо тихо сползти по стенке обратно в спальню. Высокие колонны подпирали своды, уходящие в рассветное небо, а внизу, на плацу, кипела жизнь. Я на секунду замерла у перил, оглушенная масштабом: ровные шеренги деревянных тренировочных столбов казались армией призраков в утреннем тумане. Черные мундиры гвардейцев мелькали между ними, двигаясь как единый, идеально отлаженный механизм. Металл звенел о металл, команды падали коротко и жёстко, и над всем этим висел тяжелый дух тестостерона, дисциплины и разогретого железа.

Когда мы ступили на открытое пространство, внимание гвардии стало... коллективным. Сотни глаз синхронно уставились вверх. Я кожей почувствовала этот шквал любопытства, прокатившийся по аркаде.

— Серая мышь, значит? — пробормотала я себе под нос, ощущая, как зеленая материя на бедрах вызывающе ловит лучи солнца. — Отлично, Феликс. Я не мышь. Я новогодняя гирлянда, которую забыли выключить в середине марта.

Впереди, вдоль перил, уже выстроилась шеренга. Точнее,

три «коллеги» по несчастью застыли по стойке смирно, изучая горизонт. Магистры Тильды видно не было.

— Быстрее! — прошипела Мирабель, вцепляясь в мой локоть. Её ладонь была ледяной от страха. — Если встанем с края, может, пронесёт!

Мы, стараясь не шаркать мягкими подошвами по мрамору, начали пробираться к остальным. Это было жалкое зрелище: две девицы в обтягивающем «нечте», передвигающиеся на цыпочках в надежде слиться с местной архитектурой. Я чувствовала себя грабителем-неудачником, который забыл, что яркий шёлк — не лучший камуфляж для монументального классицизма. Каждый шаг отдавался в ушах грохотом камнепада, а изумрудная майка, казалось, сияла ярче маяка в безлунную ночь. Мы почти достигли цели, когда одна из теней у ближайшей колонны вдруг ожила.

— Опоздание на сто четырнадцать секунд, — раздался сухой, как треск ломающейся ветки, голос. — За это время в этом замке успевают либо умереть, либо забеременеть. Какое из этих важных дел задержало вас в постели?

Я замерла. Магистра Тильда стояла в тени, абсолютно неподвижная. Полуэльфийка. На вид ей можно было дать и пятьдесят, и сто пятьдесят — кровь Перворожденных законсервировала её в том возрасте, когда женщина уже перестает верить в сказки, но всё ещё способна свернуть шею любому сказочнику. Прямая, как штангенциркуль, с осанкой, которая явно не знала, что такое поясничный прострел. На ней

было закрытое платье цвета грозового неба, которое не шелохнулось, даже когда она сделала шаг к нам.

— Мы... мы просто... — Мирабель задохнулась от ужаса.

— Вы просто добавили себе десять штрафных кругов к основной разминке, — Тильда вышла на свет, и я увидела её взгляд. Так смотрят на подчиненных, которые забыли прикрепить отчет к важному письму. — В линию. Живо.

Мы втиснулись в строй. Я оказалась между Мирабель и Лирой. Рыжая амазонка застыла, сжимая кулаки, и в её зеленых глазах полыхало такое желание объявить импичмент всей Академии, что воздух вокруг неё казался наэлектризованным. Ирма, напротив, пыталась уйти в астрал через решение уравнений — она едва заметно шевелила губами, протирая очки. А вот Амелия была воплощением коммерческого совершенства. Она позировала для невидимых фотографов, идеально выставив одну ножку и транслируя в мир ледяное пренебрежение.

— Осанка — это не про красоту, — произнесла Тильда, медленно проходя вдоль строя. Её шаги были бесшумными. — Осанка — это первое сообщение, которое ваше естество отправляет в мир. Владыка читает вашу позу раньше, чем лицо. Плоть не умеет лгать так умело, как язык. Горбитесь — и вы жертва. Задираете нос — и вы глупая добыча. Выпрямиться! Животы убрать! Копчик поджать!

Началась «зарядка». Если бы я знала, что под этим словом здесь понимают гремучую смесь балета, йоги и пыток ин-

квизиции, я бы еще вчера потребовала включить в соцпакет услуги мануального терапевта и внеочередную лоботомию.

— Руки за голову, локти максимально назад! — рывкнула Магистра. — Грудь вперед, подбородок выше! Замрите!

Я замерла, чувствуя, как мышцы спины начинают мелко дрожать. Лира выполняла команды с яростной легкостью. Ирма стояла, опасно покачиваясь, и походила на суриката, внезапно призванного в спецназ. Амелия же сохраняла невозмутимый вид, хотя я видела, как напряглась тонкая жилка на её точеной шее.

— Представьте, что вас тянут за макушку к небесам, а за пятки — в ад! — командовала Тильда.

Я честно пыталась соответствовать. Но когда тебе тридцать семь и твой позвоночник последние десять лет пребывал в состоянии «креветки за ноутбуком», любая попытка превратиться в «струну» воспринимается организмом как покушение. Мышцы начали ныть, протестуя против такого радикального пересмотра должностных обязанностей. Я чувствовала, как костюм в этой позе стал совсем уж беспардонным: ткань натянулась до предела, грозя лопнуть прямо на глазах у всей гвардии.

— Выше подбородок, Катерина, — Тильда остановилась передо мной. Я ощутила запах сушеной лаванды и старой бумаги. — Вы смотрите в пол так, будто ищете там свои потерянные амбиции.

— Я просто проверяю устойчивость фундамента, Маги-

стра, — выдохнула я сквозь зубы, чувствуя, как пот начинает медленно стекать по позвоночнику.

Внизу один из стражей поднял голову. Он смотрел на меня с нескрываемым любопытством, прислонившись к манекену. На его лице играла легкая усмешка — он явно наслаждался зрелищем нашего коллективного унижения.

— Что смотришь? — пробормотала я, борясь с желанием поправить уползающие вверх шорты. — Платный просмотр только для акционеров. А ты и на стажёра пока не тянешь.

— Разговоры в строю! — хлестнул голос Тильды. — Пятнадцать кругов, Катерина. И Мирабель — за то, что дышит слишком громко. К ним присоединится Амелия — за чрезмерное самолюбование. Начали! Бегом!

Мирабель всхлипнула, Амелия гневно сверкнула глазами, а я просто припустила вперед, стараясь не думать о том, как мой «скафандр» поведет себя во время интенсивного кардио.

Глава 13: Демонстрация активов

Зарядка тянулась, как совещание в пятницу вечером, — бесконечно и без намёка на жалость. Когда Тильда наконец позволила нам разогнуться, в голове билась только одна мысль: душ. Холодная вода. Три минуты тишины и отсутствия гвардейцев в поле зрения. Но Магистра, разумеется, считала иначе. Вместо передышки она коротким жестом отправила нас дальше по галерее — видимо, нарезать круги почёта над собственным унижением. Солнце окончательно выбралось из-за зубчатых стен, и двор превратился в раскалённую сковородку. Нас явно планировали довести до готовности и подавать к столу в самое ближайшее время.

К нам бесшумно приблизились слуги в серых ливреях. На подносах красовались тонкие высокие бокалы. Я ожидала бодрящего — свежавыжатого апельсинового сока или, на худой конец, изотоника, — но в стаканах плескалась мутноватая жидкость с резким запахом имбиря и какой-то горькой травы.

— Пейте, — коротко бросила Магистра. — Это восстановит ваш резерв. На пустой желудок магия привлекательности становится неуправляемой и разрушительной. Нам не нужны ваши истерики.

Я сделала глоток. Горло обожгло так, будто я проглотила бенгальский огонь, но через секунду по венам разлилось

странное тепло, а дрожь в коленях утихла. «*Энергетик с магическим тюнингом*», — отметила я про себя, чувствуя, как мир вокруг становится чуть четче.

Мы выстроились полукругом у балюстрады. Внизу гвардия сошлась в парных поединках, и я на минуту залипла. Звон стали, резкие выкрики, клинки, вспыхивающие в солнечном свете. Глаза скользили от одной пары к другой, пока не споткнулись о единственную неподвижную фигуру у самого края поля.

Рейн.

Начальник стражи стоял, прислонившись плечом к каменному выступу, и лениво следил за ближайшим боем. Его чёрная форма поглощала свет, делая его вырезанной из тени фигурой на фоне суесящихся бойцов. Расслабленная поза, скрещённые руки, никакого движения. Но я кожей чувствовала: он видит всё. Каждого бойца на плацу. Каждую тень на галерее. И нас — в первую очередь. Профессиональный мониторинг, который не отключается даже в режиме отдыха.

Голос Тильды, резкий и сухой, как удар хлыста, выдернул меня из созерцания начальства и заставил встряхнуть головой.

— Магия привлекательности — это не кокетство, — она вышагивала перед нами, заложив руки за спину. — В присутствии Владыки ваша аура подвергается колоссальному давлению. Если вы не научитесь выстраивать защитный «экран» — вы сгорите. В лучшем случае упадете в обморок,

в худшем — потеряете рассудок. Очарование — это всего лишь форма вашей брони. Кто из вас уже успел нащупать свой дар?

— Я... я кажется, — Мирабель вышла вперед. Её пальцы дрожали, сжимая бокал. — Я могу создавать образы... свои и чужие.

— Отлично. Продемонстрируйте, — велела Тильда. — Сосредоточьтесь на том, что вызывает у вас самый сильный эмоциональный отклик. Магия иллюзий питается чувствами.

Мирабель зажмурилась. Так крепко, что мне показалось — сейчас её глазные яблоки выскочат через затылок и покажутся по мрамору. Губы зашептали что-то невнятное, воздух перед ней дрогнул — и заискрился золотистой дымкой.

Дымка сгустилась, обрела пугающую чёткость. И через секунду на галерее возник он.

Айзен.

Иллюзия получилась настолько детальной, что у меня пересохло во рту. Он стоял перед нами в полный рост. Абсолютно. Совершенно. Нагло нагой. Солнечные лучи, пробившись сквозь витражи, легли на его кожу, отлитую из тёмной бронзы. Прорисовка мышц оказалась безжалостной: я видела, как перекачиваются жгуты пресса при каждом призрачном вдохе, как проступают вены на сильных руках, что захотелось прикоснуться и проверить пульс. И рельеф бёдер... В нём не было ничего мягкого — только хищная, первобыт-

ная симметрия. Волосы, тёмные и влажные, будто он только что вышел из воды, тяжелыми прядями рассыпались по широким плечам. Иллюзорные золотые глаза с вертикальным зрачком смотрели прямо на нас — глубокие, расплавленные колодцы.

Единственной деталью его «гардероба» был венок из полевых ромашек. Белые лепестки казались ослепительными на фоне смуглой кожи. Венок нелепо, но надёжно удерживался на бёдрах, выполняя роль единственного прикрытия. Этот контраст между мощью древнего ящера и невинностью луговых цветов выбивал почву из-под ног.

Три секунды оглушительной тишины. Только внизу звякнуло железо — кто-то из гвардейцев, задрав голову, выронил меч. Рейн у перил даже не шелохнулся, но я видела, как побелели его пальцы, впившиеся в собственные предплечья.

Мирабель открыла один глаз, увидела своё творение и издала звук, похожий на свист закипающего чайника. Иллюзия лопнула, осыпав нас золотистыми искрами.

— Очень... качественная работа, — сказала я, первая обретя дар речи. — Детализация на высоте. Мирабель покрылась малиновыми пятнами до самых ключиц.

— Я не хотела! Я просто пыталась сконцентрироваться на источнике волнения!

— Источник волнения, — я выразительно посмотрела на место, где только что красовался венок. — Угу. Очень волнительный источник.

— Концентрация отличная, — сухо резюмировала Тильда, даже бровью не поведя. — Но для официальных приёмов рекомендую добавить штаны. Лира, ваша очередь.

Лира шагнула к самому краю балюстрады, и по её лицу скользнула предвкушающая улыбка охотника, загнавшего дичь. Она широко расставила ноги, упираясь в теплый мрамор, и расправила плечи так, что изумрудная ткань её костюма опасно натянулась. Рыжая грива вспыхнула под солнцем, превращая её в живой факел.

Она набрала полную грудь раскаленного воздуха, и в следующую секунду тишину галереи вспорол звук.

Это не была песня в привычном смысле — это была чистая, концентрированная патока, разбавленная жидким золотом. Первая же нота, высокая и прозрачная, как горный хрусталь, вонзилась мне прямо в солнечное сплетение. Звук обтекал кожу, пробирался под одежду, шептал что-то на грани сознания, от чего во рту стало сладко, а в коленях появилась пугающая легкость. Голос сирены — древний, первобытный код, отключающий логику и включающий инстинкт «иди на зов».

Реакция внизу была мгновенной и невероятно синхронной.

Весь плац, только что гремевший сталью, превратился в поле подсолнухов. Десятки гвардейцев — огромных, упакованных в железо мужиков — замерли и единым плавным движением повернули головы в сторону Лиры. Это выгляде-

ло бы пугающе, если бы не их лица. На них расцвело такое блаженное, розовое идиотство, что мне на миг стало неловко за всё мужское население Эйтерии. Тяжелые мечи выпадали из разжатых ладоней, щиты с грохотом валились в пыль, а бойцы стояли, вытянув шеи и глядя на рыжую девушку глазами преданных спаниелей, только что увидевших божественную косточку. Один из них даже сложил руки на груди и начал медленно покачиваться в такт вибрации, полностью игнорируя тот факт, что его напарник едва не пришиб его топором секунду назад.

«Массовый гипноз и 100% вовлеченность аудитории», — отметила я, вцепляясь в перила, чтобы самой не начать подпевать.

Я скользнула взглядом по Рейну.

Он единственный остался «вне системы». Начальник стражи не поднял головы, но его поза кричала о запредельном напряжении. Он сопротивлялся этой песне так, будто боролся с невидимым удавом, пытающимся задушить его в сладких объятиях. Для всех внизу это был рай, для него — пытка, ставящая под сомнение всю его хваленую выдержку.

Лира оборвала ноту на самом пике, оставив в воздухе звенящую тишину.

Поле «подсолнухов» мгновенно осыпалось. Солдаты моргали, трясли головами и с растерянным видом подбирали оружие, озираясь по сторонам, словно после тяжелого похмелья. Кто-то неловко задел соседа плечом, кто-то чертых-

нулся, обнаружив себя в нелепой позе.

Магистра Тильда, сохранив лицо каменного сфинкса, сухо нарушила безмолвие:

— Контролируй амплитуду, Лира. Ты должна вызывать желание служить. Нам нужны влюбленные подданные, а не овощная лавка в доспехах. Ирма, ваш выход.

Ирма поправила очки, и я заметила, как на её висках выступила мелкая испарина. Она не суетилась. Наоборот, её движения стали пугающе замедленными, словно она входила в воду. Она повернулась к Амелии. Блондинка попыталась изящно отступить, но Магистра лишь едва заметно качнула головой, пригвождая красавицу к месту.

Ирма сделала шаг. Еще один. Она подошла вплотную, почти нарушая все мыслимые границы личного пространства, и медленно положила ладонь на плечо Амелии.

В ту же секунду воздух вокруг них будто загустел, превращаясь в тяжелый, душный сироп. Голос Ирмы изменился до неузнаваемости. Исчезли сухие интонации библиотечного червя — теперь он лился как густой мед, в нем появилась та самая вкрадчивая, порочная хрипотца, от которой по спине пробегает ток, а в голове предательски мутится.

— Ты вчера три часа репетировала «случайный и нежный» чих перед зеркалом... — выдохнула Ирма прямо в лицо побледневшей Амелии.

Каждое слово она чеканила как монету, прижимаясь взглядом к расширенным зрачкам соперницы.

— Каждую складку губ, каждый взмах ресниц. Просчитывала угол наклона головы, чтобы выглядеть беззащитной крошкой. А когда всё-таки чихнула по-настоящему... твой хваленый магический винир не выдержал этого триумфа воли и улетел под комод.

Амелия замерла, перестав дышать. Её безупречный фасад начал давать трещины прямо на наших глазах.

— Ты ползала по полу в одной сорочке, размазывая слезы по розовому мрамору, — в голосе Ирмы зазвучала мягкая, почти ласковая жестокость. — Ты ковырялась в пыли и умоляла богов, чтобы этот кусок заколдованной керамики нашелся раньше, чем наступит утро. Чтобы никто не увидел твою... щербинку.

Амелия издала какой-то задущенный, хриплый звук. Её рука мгновенно взметнулась к губам, намертво прикрывая рот, а в глазах застыл такой концентрированный позор, что его можно было разливать по бутылкам как самый чистый яд. Она смотрела на Ирму с таким ужасом, будто та только что содрала с неё платье на глазах у всего замка.

«А сова-то с когтями», — отметила я, невольно любуясь этой экзекуцией. — *«Она не просто подслушивает секреты. Она вываливает на стол твою самую нелепую, самую жалкую изнанку. И делает это с таким вкрадчивым удовольствием, что хочется не спорить, а немедленно самоликвидироваться. Профессионально. Пять баллов за глубину погружения».*

Тишина на галерее стала такой торжественной, будто мы не на занятии, а на вручении премии «Сотрудник года». Ми-рабель вжала голову в плечи, Лира хищно прищурилась, а Магистра Тильда замерла, позволяя позору Амелии выки-петь до самого дна.

Блондинка медленно опустила руку от лица. Её губы всё ещё подрагивали, но в глазах вспыхнул такой недобрый огонек, что стало ясно: сейчас кому-то выпишут штраф без пра-ва обжалования. Я замерла, ожидая, что сейчас Амелия ки-нется в драку или начнет орать. Но она не сделала ни того, ни другого. Она просто глубоко вдохнула, и воздух вокруг неё будто наэлектризовался.

— Тебе смешно, замухрышка? — голос Амелии прозвучал низко и как-то слишком бархатно. — Так смейся. Смей-ся, раз тебе так весело!

И Ирму прорвало. Её лёгкая ухмылка вдруг растянулась до ушей, превращаясь в пугающий оскал чеширского кота. Она прыснула, закрыла рот ладонью, а через секунду уже за-ходила в безудержном, лающем хохоте. Очки сползли на кончик носа, она сгибалась пополам, хватаясь за живот. Это выглядело так, будто кто-то невидимый безжалостно щеко-тал её пятки, не давая вздохнуть.

— А теперь поплачь, — процедила Амелия, делая шаг вперед. — Посочувствуй своей несчастной доле.

Хохот оборвался так резко, что Ирма чуть не прикусила язык. Её лицо мгновенно сморщилось, как печеное яблоко,

и из-за стекол очков брызнули слезы — обильные, театральные, как в индийском кино. Она рухнула на колени, размазывая тушь по щекам и завывая на всю галерею.

— А теперь... — Амелия склонилась над ней, и её голос стал совсем медовым. — Люби меня.

Мир будто сошел с ума. Рыдания Ирмы стихли в ту же секунду. На её бледных щеках расцвел лихорадочный румянец, а взгляд затуманился такой восторженной нежностью, какую я видела только у фанаток на концертах поп-звезд. Ирма выдохнула что-то нечленораздельное и с обожанием вцепилась в край изумрудных шорт Амелии.

— О-о-о... — прошептала она, пытаясь прижаться щекой к колену блондинки. — Ты... ты ослепительна. Ты — мой рассвет, мой закат и мой смысл жизни... Позволь мне просто дышать с тобой одним воздухом!

Она начала преданно ползти за Амелией, заглядывая ей в глаза. Это выглядело настолько нелепо и неловко, что мне захотелось немедленно уволиться из этого мира.

— Довольно! — голос Тильды ударил, как холодный душ. Магистра топнула каблуком, и Ирма обмякла на полу, растерянно моргая и поправляя очки. Она переводила взгляд с Амелии на свои руки, которыми только что обнимала чужие ноги, и на её лице медленно проступал густой, натуральный ужас.

— Прекратите этот балаган, — отрезала полуэльфийка. — Мы здесь тренируем вашу магию, а не устраиваем соль-

ные концерты.

Она повернулась к Ирме, которая всё еще судорожно хватала ртом воздух.

— Ирма, твой дар — это поиск истины. Ты должна находить ключи к сердцам, а не выбивать двери ногами ради дешевого триумфа. Ты сама спровоцировала этот ответ.

Затем Магистра перевела взгляд на Амелию, чье лицо снова стало просто красивым и очень гордым.

— А ты, Амелия, запомни: истинная власть — это когда за тобой идут добровольно. Ты же просто устроила в чужой голове балаган. От такого принуждения не рождается преданность. Ты использовала дар эмпатии как дубину, хотя он должен быть тончайшей нитью.

Магистра сделала несколько шагов в мою сторону. Её сапоги стучали по мрамору сухо и ритмично, словно метроном, отсчитывающий секунды до конца моего испытательного срока.

— Ваша очередь, Катерина, — негромко произнесла Тильда. Её взгляд сканировал меня, как рентген. — Или вы решили выиграть этот отбор, просто работая деталью интерьера?

Я поправила изумрудную майку, которая в этом мире, кажется, была единственной вещью, знающей толк в поддержке — хоть и чисто физической.

— Я здесь нахожусь меньше суток, Магистра, — ответила я, не отводя взгляда. — И, честно говоря, до сих пор не

получила вводный инструктаж. Я понятия не имею, какая у меня магия и где у неё кнопка «вкл».

— Магия привлекательности — это не механизм, это вы сами. Она не включается, она просто проявляется, когда вы перестаете её контролировать, — отрезала Тильда.

Она медленно обвела взглядом остальных девушек, и её голос стал спокойнее, но весомее.

— Посмотрите на них. Каждая просто перевела на язык магии то, чем жила всегда. Мирабель так зациклена на том, чтобы быть «правильной» невестой, что её магия просто выдает идеальный образ, который крутится у неё в голове. Лира выросла там, где слово женщины — это приказ, поэтому её голосу невозможно не подчиниться. Ирма презирует ложь и ценит факты, поэтому она просто убирает всё лишнее и видит то, что вы пытаетесь скрыть. А Амелия... — Магистра бросила короткий взгляд на блондинку. — Она всегда знала, что чувства — это способ управления. Поэтому она научилась дергать за них, как за ниточки.

Тильда снова посмотрела на меня, и в её глазах мелькнул азарт профессионала, наткнувшегося на по-настоящему сложный случай.

— Дар — это всегда продолжение вашей сути. В чем ваша сила, Катерина? Что вы делаете лучше всего, когда мир вокруг сходит с ума?

Я невольно задумалась. Что я делаю лучше всего? Ну, я могу провести собеседование в горящем офисе. Могу соста-

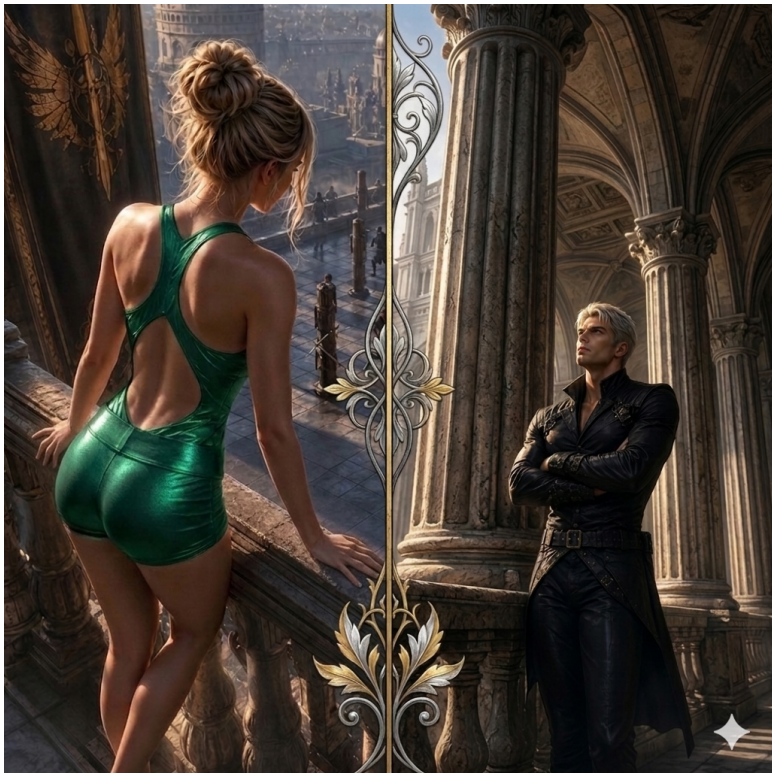
вить график отпусков так, что никто не подерётся. Я мастерски умею держать дистанцию и сохранять холодную голову, когда у всех вокруг — и у серверов, и у сотрудников — случается массовый перегрев.

Интересно, какая магия «соблазнения» может из этого получиться? «Очарование квартального отчёта»? Или, может, я могу влюбить в себя мужчину, просто заставив его подписать обходной лист? В моём мире «ослепительная улыбка» работала куда хуже, чем грамотно составленный должностной регламент.

— Подойдите к балюстраде, — скомандовала Магистра, указывая на край. — Просто забудьте о правилах. Позвольте своей натуре взять верх. Посмотрим, какая вы на самом деле.

Я шагнула к самому краю, замирая над бездной плаца. Вдохнула раскаленный воздух, который, казалось, всё ещё вибрировал после пения Лиры.

Внизу, у каменного выступа, я снова разглядела Рейна. Он как раз поднял голову, и наши взгляды пересеклись. Я не знала, о чём он думает, и не собиралась гадать, но этот взгляд выбил из головы остатки лишних мыслей.

«Ладно, Катя, — подбодрила я себя. — Покажи им, как работает настоящий HR-директор. Если магия существует, пусть она будет хотя бы полезной».

И, окончательно прощаясь со здравым смыслом, я медленно закрыла глаза.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.